



ЭЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА

МГНОВЕНИЕ

повесть

*Памяти безвременно ушедшего мужа,
писателя Фаиля Шафигуллина*

Знаю... Тебя нет! Но для меня, для наших дорогих дочерей ты есть. Ты живёшь. Ты всё время с нами. Скучаем, сильно скучаем мы по тебе. Особенно терзается младшенькая, Резеда. Наши сердца исходят слезами, мы внутренне сгораем. Она же, словно былинка на ветру. Из былинки-то самая тонкая, самая нежная. Она очень остро ощущает твоё отсутствие. Тоска по тебе в ней так велика, что порой мои попытки пресечь её стенания вызывают в ответ целый поток слёз.

Через какое-то время после твоих похорон пришла зима. Земля покрылась белым ковром. Старики истолковывали это как добрый знак. Свежий могильный холм любит выпавшие на него осадки, — толковали они. «Значит, святой был человек. Грехи не могли остаться на нём — перед кончиной ему довелось перенести невыносимые страдания от нанесённых ран», — говорили они между собой. Для Резеды снег имел сокровенный смысл: «Знаешь, мамочка, когда выпадет снег и придёт Дед Мороз, он меня спросит: „Что тебе привезти, Резеда, на Новый год?“ Я скажу: „Привези мне моего папу!“ Дед Мороз обязательно вернёт мне моего папу!»..

К горлу подступает огромный ком. А Резеда смотрит на меня выжидающим взглядом. Хочет услышать ответ, ждёт подтверждения своей мысли, дескать: «Да, моя девочка, конечно». Я боюсь солгать, боюсь обмануть ребёнка, боюсь потерять его доверие. И я говорю: «Моя малышка, ведь папы нет. Его теперь даже Дед Мороз не сможет вернуть». Дочь плачет. Душа моя разрывается на части.

Назавтра у Резеды созрел новый план. Видно, раздумывала в течение всего дня. С самого утра она показалась решительно настроенной. Умывшись и сев на своё место за столом, она как-то очень по-взрослому заговорила: «Мама, найди лопату. Мы возьмём с собой его шубу и откопаем папу. Потом твёрдо добавила: „Я сама буду копать!«. Такие переживания, выпавшие на долю ребёнка, ещё не достигшего и пяти лет, ужасают меня. Вместо того, чтобы беспечно нежиться в родительских объятьях, малышка несёт бремя несказанно тяжкого горя. Ещё не успев выйти из младенческого возраста, она узнала горечь потери.

Горечь утраты! Она вместе с тоской по тебе переполняла сердце моей ненаглядной крохи. Из карих глаз ребёнка крупными горошинами выкатывались прозрачные капли. Не знаю, как выдерживает её маленькое сердечко?

Ты слышишь? Перед твоим именем держу я сегодня экзамен. Я разговариваю с тобой, будто ты жив, будто вновь, подтверждая свою репутацию шутника, ты лишь



Фаиль Шафигуллин и я. Мы счастливы...

прячешься, и, подобно сказочному персонажу, невидимкой находишься возле нас. Всем жаром своей души я хочу, прикоснувшись, заставить тебя очнуться. Хочу, взглянув в твои глаза, оживить тебя! Разыскивая тебя, блуждаю в сказках, плутаю в дремучих лесах, как помешанная брожу в горных ущельях по краю бездны. Хочется, собрав всех осиротевших, всех овдовевших жён вместе, криком кричать, как я жажду, чтобы в тот самый миг ты возник из-под земли, всколыхнувшейся под моими ногами и, обняв меня за плечи, коснулся дыханием моих ресниц! Я хочу, я думаю, я утопаю в мечтах, а реальность — вот она, рядом...

Сейчас у нас в доме установился порядок поклонения твоим вещам. Нет, я не давала детям никаких указаний. Это получилось само собой. Вот, скажем, наша старшая дочь Раушания разместила возле своего письменного стола твои любимые картины. Все твои книги расставила по порядку. Она хорошо знает, что ты к книгам относишься как к чему-то самому близкому и дорогому.

В такие моменты, глядя на неё, я радуюсь, что мы с тобой сумели воспитать в детях уважение к родителям. Вот Раушания сразу по-мужски смело и решительно взяла на себя твои обязанности, старается во всём быть мне опорой. Я же хочу объяснить это влиянием одной из лучших твоих черт — твоей любви к матери.

Мама живёт недалеко от нас километрах в сорока-пятидесяти в одном очень красивом городе. Иссиня чёрные волосы, худощавая, сухопарая, лёгкая на подъём старушка, несмотря на солидный возраст хорошо слышит, хорошо видит. С тех пор как я её знаю, никогда не видела её в неопрятной одежде. Не помню, чтобы из-под её платка выбивались растрёпанные волосы, или чтобы чулки были в «гармошку». Не покажется на-люди в платке, который повязывает на голову на ночь. Встав поутру, помажет волосы репейным маслом и, расчесав их, повяжет на голову белоснежный, как пудра, платок. Её любовь к белизне, чистоте была достойной подражания.

Ты тоже любил белый цвет. Едва наступало лето, ты надевал белые брюки и белую рубашку. Поэтому твои товарищи в шутку называли тебя «плантатором».

А как-то, когда мы уезжали из гостей, мама, провожая тебя взглядом через окно, вдруг сказала: «Смотри, какой красавец у меня сын! Ну, как девушкам не заглядеться», — будто поддразнила меня. Она любила шутить. Эта её черта и тебе передалась с избытком.

Однако, какой бы озорной, острой на язык ни была она, твоя смерть потрясла маму, сбила с ног. Поплачет-поплачет с причитаниями и добавит: «Старики смерти ждут, а умирают молодые. Оказывается, до сих пор я горя не знала. Думала, сын похоронит, сын соберёт в последний путь»...

Нам кажется странным, что пожилые люди к смерти готовятся, будто к свадьбе. Для милостыни сундуки добра набирают. Особой выделки холст для обрядовой повязки, отдельно материал на саван, вплоть до иголки и ниток, не бывших в употреблении, — всё это тщательно укладывается и убирается в отдельный сундук.

Тяжело маме, очень тяжело. Сколько ни навещаем, постель всегда разостлана, лицо печальное. Достав завёрнутое в белый платок твоё фото, разговаривает с ним. «Эх, сынок, сынок! Наверно, очень больно было твоей головушке? Как ты вытерпел, сынок?» Недоговорив до конца, опрокидывается на постель. Наша старшая дочь, встав на колени возле кровати своей бабушки, берёт в руки её ладони, крепко кусая себе губы. Беззвучно всхлипывая, кладёт голову на бабушкино плечо. Резеда же поспешно вскарабкивается на кровать. Сев в изголовье, маленькими ручками нащупывает бабушкины глаза. «Бабуля, бабуленька, не плачь уж, не плачь, моя бабуленька!» И не чувствует дитя, что из её карих глаз тоже градом катятся слёзы. Вот так наши встречи оборачиваются для всех сплошными мучениями. Что ни слово, всё связывается с тобой. Полежав так какое-то время, мама начинает вспоминать о твоих приездах, дословно повторяет то, что говорил ты: «Смотри, какой крупный урюк я привёз! Говорят, для сердца полезно. Побольше ешь!».

Ты не был жаден до еды. Но мамина домашняя стряпня всегда была для тебя особенно вкусной. Приезжая к ней, ты просил сварить суп. И ел этот суп до седьмого пота, нахваливая и неоднократно прося добавки. Если это было зимой, ты потом надевал мамин плюшевый чёрный жакет, её глубокие калоши, на голову — вязаный башлык, который почему-то назывался у вас «папый», уходил в сарай и, набрав там кучу старых книг, приносил их в дом. Какое-то время просматривал их и со словами «отличная книга» прятал в портфель.

Ты никогда не начинал читать книгу с первой страницы. Сначала полистаешь до середины. Коли засомневаешься, ещё пару листов просмотришь. Если ляжет на душу, принимаешься читать взахлёб. Нередко ночь напролёт. Основную мысль схватываешь быстро и заранее угадываешь финал. И редко ошибаешься. А когда ошибаешься, то приходишь в неопишуемый восторг, шагаешь по комнате туда-сюда: «Ты смотри, как неожиданно завернул! Хорошо, хорошо, хорошо!» — повторяешь безостановочно.

Ты много читал, Файль. Читал бегло. Какую бы маленькую статью тебе ни заказали, ты, бывало, перелопачиваешь кучу литературы, весь вечер читаешь, а встав поутру, начинаешь писать. Ты вообще всё любил делать рано утром. Пока мы спим, ты всё, что нужно, уже написал, аккуратной стопкой сложил в углу стола, сам умыт, побрит. Я часто рассказываю нашим детям о твоём трудолюбии, умении слово держать. Скажем, если ты брался что-то редактировать или за любую-другую работу, то, в каком бы душевном состоянии ни находился, выискивал возможность довести дело до кондиции.

Помню до сих пор: ты должен был написать в газету статью о бережном отношении к книгам, о необходимости любить книгу. Домой ты принёс целый ворох детских писем. Сначала ты внимательно знакомился с ними, в качестве примера некоторые



С дочерью Раушанией

зачитал и нам. Затем вместе с детьми, усевшись на пол, сортировал книги. Было необходимо выяснить мнения о книге у детей пионерского возраста. Раушания наслаждалась. Она любила и разговаривать, и спорить с тобой. Приводя примеры из прочитанных своих книг, засыпала тебя вопросами.

«Смотри, понравилось!», — сказал ты, смеясь, после того, как ответил на многие вопросы дочери. Потом добавил: «Ну, довольно, не мешайте! Мне надо статью сдавать. В газету „Яш ленинчы» ... И дети притихли. А Резеда не выдержала.

— Папа-а, — обратилась она к тебе, растягивая слова, — газета «Яшь ленинчы» — это девочка или мальчик»¹.

От взрыва весёлого смеха зазвенели оконные стёкла. Ты схватил малышку в охапку и принялся целовать, приговаривая: «Похоже, ты очень умной будешь, моя дочь!» Ты очень любил наших детей, не взирая ни на какую занятость, находил время поиграть с ними. Ты на удивление был лёгок на подъём. С трёхлетней ли, с тринадцатилетней — устраивал совместные игры в прятки, «в лошадки» на закорках, укачивал младшую на руках перед сном... Будто сегодня я вижу — укачивая, начинаешь напевать...

В этот момент, выпучив глаза, подбегает старшая.

— Папа, и меня, и меня, папа!

Ты взрываешься громким смехом: «Так я и думал!»

И спустив с рук младшенькую, берёшь в объятия чуть ли не с себя ростом старшую дочь. Приняв серьёзный вид, и для неё затягиваешь колыбельную.

Я стою возле вас, не имея сил отойти — глубокая радость переполняет меня. Иногда, разгорячившись, ты и меня берёшь на руки, носишь, потом, отпустив, плюхаешься на диван: «Ух, устал!».

¹ В татарской грамматике нет понятия «он» — «она»

Просишь Раушанию включить телевизор. Ты любишь смотреть программу «Время», «Клуб кинопутешествий», стараешься не пропускать их. Особо велико было твоё уважение к Юрию Сенкевичу. Ты смотрел их путешествие с Туром Хейердалом на корабле «Тигрис». А вместе мы любили смотреть «Семнадцать мгновений весны». Ежевечерне, собравшись всей семьёй, — не огромное ли это наслаждение? Спасибо режиссёру Татьяне Лиозновой. Сколько семей собирает она вечерами, как в один букет, в одну связку. Нам, конечно, особенно нравился исполнитель роли главного героя Исаева-Штирлица Вячеслав Тихонов. Восхищались его мужской красотой, естественностью, выдержкой, благородством.

Ты задумывался о многом. Например, ты был влюблён в Василия Шукшина, замечательного режиссёра, артиста, писателя. Преклонялся перед его светлой личностью. Когда его не стало, ты старательно собрал все его книги и вновь перечитал их...

Прервав свои мысли, задумываюсь о смерти. Люди, способные горы свернуть, создать нечто небывалое, перед безжалостным ликом смерти бессильны, бессловесны, беззубы... Боже мой! Скажем, Шукшин. Скажем, ты. Разве такие люди, как вы, должны были умереть раньше срока? С таким творческим потенциалом, с такой силой любившие жизнь! В то самое время, когда ты самозабвенно любил природу родной земли, всякое её зверьё и пернатых, её моря, океаны, её студёные родники?! Благо, что эти твои чувства отразились в твоих рассказах, новеллах. Через твои произведения эта великая любовь достигает невидимых глазом бескрайних горизонтов, ясной улыбкой сияет в синих сумерках.

«И в этом году я поспешил в деревню, чтобы вновь увидеться со своей давней любовью. Моё нетерпение было так велико, что я не смог дожидаться наступления вечера. После обеда я, когда домашние разбрелись кто-куда, принарядившись, задами устремился туда, куда звала меня судьба, манили мечты...»

Обратите внимание, как фраза за фразой, слово за словом возрастает накал чувств. Начав читать, мнишь, что он возвращается к возлюбленной своей юности, соединиться с которой прежде по каким-то причинам не смог. Тут выясняется, что герой мчит к желанной встрече, сидя в гостях у своего тестя. Мы, конечно, осуждаем его. «Ну, ни стыда, ни совести у этих мужчин». А что делает автор? Он спешит устыдить читателя за то, что тот, не зная автора, плохо думает о нём: «Здравствуй, моя любовь, мой светлый родник, очень соскучился я по твоей целебной воде, как мне не хватало твоего ласкового журчания! «... — заключает автор свою тираду. И в душе читателя пробуждается восхищение красотой окружающего мира.

Сколько ни пытаюсь, но очевидно так и не смогу должным образом оценить ни твоего стиля, ни твоего языка. Наверно так бывает при излишне восторженном восприятии. Да я и не ставлю себе цели давать оценку твоему творчеству. Одно несомненно, будучи отцом моих детей, ты в то же время для меня был большим писателем. Талантливым, острым на язык публицистом, юмористом с тонким вкусом, а для коллег внимательным, искренним другом...

Многие помнят твоё выступление на тему «При подъёме на гору человечности» на подведении итогов 1981 года по детской литературе. Доклад твой был пронизан озорством, шутливостью, но мысли были основательны, умны, продуманы. Не удержусь от цитирования:

«Нынче век научно-технической революции, дети рождаются не только с семиклассным, но и десятиклассным образованием. Дети теперь в третьем классе решают уравнения с двумя неизвестными, если не в каждой квартире, то в одной из трёх-четырёх квартир бренчат на пианино. Но что поделаешь, как говорится, на чьи сани сядешь, того и песни поёшь, приходится любить их такими, какие они есть, любить их

со всеми их странностями. В руках писателя — орудие воспитания, в руках писателя — богатый жизненный опыт и, наконец, в руках писателя — богатое духовное наследие отцов и дедов. А в руках ребёнка — будущее. Если писатель не будет осмотрительней вести дело, не сумеет убедить ребёнка в правдивости сказанных им слов — и пошёл ребёнок в будущее, размахивая пустыми руками. Останется тогда сидеть писателю в обнимку со своим опытом, орудием воспитания, духовным наследием...

Мы любим писать о детях-героях, однако это прекрасное качество не оцениваем с точки зрения «человечности». Если мы, рассказывая о героизме взрослых героев, могли говорить с читателями также о их высоких душевных качествах, должны не забывать сказать и о способности маленьких героев к высоким душевным порывам.

В этом отношении поучительна новая повесть Лябибы Ихсановой «Наиль, Фаиль и другие». Автору удалось довольно полно осветить душевное величие маленьких героев. Главный герой повести — отрицательный персонаж. Из-за своего богом проклятого характера малому приходится достаточно лиха хлебнуть. Однако в тайниках его души сияет луч, невидимый ни одноклассникам, ни родителям. В том-то вся беда: те, кто рядом не видят, вернее, не хотят видеть света, освещающего окна его души. Впрочем, малый и сам не спешит кому угодно открыть свою душу. Ибо таково полученное им воспитание, его нрав, повадки, ибо он верит, что когда-нибудь этот свет в окошке будет расти, увеличиваться и в том месте, куда падёт его луч, проклюнутся целительные ростки. Эта вера — начало душевного возрождения мальчика. Чем сильнее крепнет эта вера — тем более в маленьком сердце крепнут и растут черты человечности.

Когда ребёнок совершает подъём на гору человечности, он всюду ищет приключений. Ему интересны любая картина природы, любая травинка, любой жучок-паучок кажется ему чудом...»

Вот так ты раздумывал о детской литературе, останавливаясь на творчестве очень многих писателей и поэтов, чьи книги вышли в том памятном году. Ты старался судить справедливо, хорошую вещь оценить по достоинству...

А на следующий год?..

На проведённых итогах года в 1983-м память о тебе отметили стоя, минутой молчания! Твоя смерть была для татарской советской литературы большой и тяжёлой потерей! В тот год итоги по детской литературе подводил Роберт Минуллин. Через одно слово на другое он упоминал твоё имя. С горечью, с чувством невосполнимой утраты... С восхищением говорил о красоте, искренности твоих бессмертных героев. Если на одной стороне стоят умеющие язвительно смеяться Хисмат, Бакер, Худайберды, Хурматша, Фархинур, то с другой стороны им противостоят твои младенчески безгрешные, чистые, как прозрачные слезинки Ляйсан, Альфинур, Фирюза¹.

Фирюза...

«В мире снегов среди прочих снежинок летала снежинка по имени Фирюза. Почему Фирюза, спросишь ты? Может, она сверкала подобно драгоценному камню? А может..., впрочем, как можно угадать, почему наши папы и мамы дают нам именно такие имена, невозможно, да и какая надобность по этому поводу спорить? Фирюза так Фирюза. Секрет не в её имени...»

Только мне ли одной показался таким божественно прекрасном, таким дорогим этот рассказ? Не знаю. Однако ты этим рассказом сделал мне сюрприз. Я видела его не тогда, когда ты писал, а после опубликования в газете «Яшь ленинчы».

¹ Фирюза или Фирэзэ — бирюза

Поскольку зашла речь о Фирюзе, мне припомнилось наше совместное посещение кладбища. Ты заказал художнику Ивану Хантемирову красивую табличку с надписью «Шафигуллина Фирюза дочь Фаиля». Обрамив её, мы поехали, чтобы прикрепить к ограде. В руках у тебя горшок с розовым цветком герани. Лицо задумчиво. Едва подходим, как в глаза нам бросается, что рядом вырыта ещё одна маленькая могила. Ограда нашей дочери наполовину сдвинута в сторону. Ты в ярости отправился к хозяевам кладбища. Придя с лопатой, поставил ограду на место и надёжно укрепил её. В тот момент я поняла, что ты для наших детей надёжный щит, что никогда и никому не позволишь их обидеть. Возможно, это всё входило в число обычных твоих вошедших в привычку обязанностей, но оказывается, иногда даже привычные вещи вызывают из ряда вон выходящие чувства. Скажем, для моих детей кто может стать таким же надёжным щитом? О моём покойном ребёнке кто мог бы так любовно написать или что-либо сказать? Только ты. И никого другого на всём земном шаре!

Мне говорят «от судьбы не убежишь, не терзай себя, ты нужна своим детям». Нельзя не согласиться. Я нужна своим детям. Но сердцу не прикажешь. Если бы знать хоть какое-нибудь средство оживить тебя. Если бы была одна из тысяч возможностей, нет, из миллиона, ста тысяч миллионов — мы бы отыскали. Пока не выплакали все наши глаза... Но нет, ведь, таких средств, нет. Чтобы снова сделать счастливыми сирот этого мира, всех вдов, нет хотя бы из ста миллионов ни одного способа. Однако в человеке теплится надежда. В человеке есть вера в добро. И ещё не достигшая пяти лет малышка пишет отцу письма. Пишет, кладёт в конверт и прячет в сумку.

— Мапочка, — спрашивает меня старшая из дочерей, — может быть на свете такое чудо? Японская девочка вырезала из бумаги белых журавлей. Когда число белых журавлей достигнет тысячи, её мечты должны исполниться. Что, если мы попробуем написать папе тысячу писем?

— Золотко моё, — говорю я, обняв её, — оказывается, и ты ещё не вышла из младенческого возраста. Она понимает и, погрузнев, задумывается. А младшая, мусоля кончик грифеля карандаша, продолжает рисовать и писать письма. Это погружение маленького человечка в такую великую заботу, старание, собрав все свои силёнки, одолеть горечь потери, обжигали сердце.

Ты и сам, оставшись без отца в трёхлетнем возрасте, познал вкус сиротства. Ты любил вспоминать (то ли действительно помнил сам, то ли представлял по рассказам мамы), как отец катал тебя, усадив себе на шею. Частенько ты спрашивал у наших девочек: «Хорошо, когда есть кого „папой“ называть? Весело гулять, взявшись вместе за руки?» Очень весёлыми, очень радостными были, оказывается, те дни. Только никто из нас не догадывался, что они могут не вернуться назад, сколько слёз не лей.

Действительно, не знаем. Ну, кто может сказать, что нас ожидает завтра? Может, мы и счастливы этим незнанием? А может это и благо? Ибо заранее готовиться к тяжким испытаниям, к чудовищным потерям уже само по себе могло бы сделать из человека живого мертвеца.

Что до меня, мне кажется, слово «смерть» как-то мягко звучит. Я думаю, оно должно быть равно приносимому им горю. Подобно слову Газраил — Аз-з-зраил, как-то должно звенеть, греметь. Но, может, специально назвали помягче, чтобы произносилось, не пугать людей? Раньше ведь, говорят, Азраил являлся воочию. Когда родные обречённого начинали сильно плакать и умолять, Азраилу было затруднительно забирать души людей. И он стал приходить незаметно, плачущих людей сажать на пень и уходить. Шутка шуткой, но бесспорно то, что человек только-только проводивший из дому дорогого ему усопшего, действительно мог остаться огорошенным, с замершим сердцем, «сидящим на пне».

Однажды, когда мы ехали с тобой в Дом творчества на Лебяжьем озере, речь зашла об этом. Ты сказал — самую красивую часть дерева всегда срезают, оставив только пенёк, потом уходят, дескать, тебе и этого довольно. И правда, хоть сиди, хоть реви, — ты уже на этом пне. Твоего стройного красавца-дерева с восхитительной пышной кроной, способной укрыть тебя от любой бури, уже нет. Нельзя ли и в жизни оставшуюся вдовой после смерти мужа, представить сидящей на пне? Но погоди, ведь вокруг пня появляются молодой подрост. Корни, не успевшие отдать соки основному стволу, питают его. Ведь, глядя на это, можно сколько угодно восторгаться, наслаждаться. Но... опереться на тонкие стебли, ещё не ставшие стволами, прислониться к ним нельзя. Они слабы, их ветви не окрепли. Не они тебя, а ты их должен беречь. Вот в чём секрет!

А в этом мире бурь-ураганов достаточно. О, как их много! При тебе это не ощущалось. Когда ты был жив, ни детей, ни меня не коснулись злые ветры. Потеряв тебя, я на какой-то миг испугалась жизненных тягот. Казалось бы, та же ответственность, те же дети, сама всё тот же человек. Но когда ты был жив, груза на моих плечах было вполтину меньше. Я была вдвое беспечней и спокойней. Как только вспомню, тотчас голова идёт кругом. Сумею ли я уберечь своих детей от жизненных невзгод? Сумею ли поставить их на ноги и воспитать настоящими людьми? Я хорошо понимаю, во мне должны быть такие силы, чтобы я могла дать воспитание и как мать, и как отец. Я стараюсь быть ко всему готовой, быть сильной. Но самое главное — я горжусь тем, что они отцовские дети. Радуюсь тому, что у нас есть твоё богатое наследие, достойное поклонения. Остались песни, которые исполняются. Я хочу, чтобы наши девочки знали каждое твоё произведение, чтобы почувствовали их вкус, их красоту. Заставляю их самих на русский язык переводить твои рассказы, заучивать наизусть твои стихи, петь твои песни. Вот недавно пели твою песню на музыку Зиннура Гибадуллина «Поляна моей юности». После того, как несколько раз спели, маленькая Резеда спрашивает:

— Мама-а, чьи глаза папа называет грустными?

— Наши, доченька. Твой папа наперёд знал, что наши глаза наполнятся грустью.

Дети, перестав петь, на какой-то миг притихли...

В последние дни и в самом деле твоё сердце изводила какая-то кручина. В отношении нас ты как будто испытывал чувство сострадания. Возможно, ты думал: «Останется ведь, мои ненаглядные». Только нам не говорил. Твой последний день перебираю в памяти заново, посекундно. Ты раньше, чем обычно, вернулся с работы. Похваливая и с добавками поел сваренный мною суп. Потом, усевшись на пол, зашил кое-где распоровшиеся швы своей обуви. Починил расштанное изголовье кровати. Почистил и тщательно погладил брюки. Наутро, как бы пораньше я ни собиралась подняться, ты меня не отпустил. В тот день тебя почему-то тянуло на разговор. «Сны какие-то снятся. Когда видишь сны, оказывается, головной мозг не отдыхает», — говоришь ты, ссылаясь на прочитанную в газете статью медицинского светила.

— Какой же ты сон увидел нынче? — спросила я.

— Вдруг откуда ни возьмись, собираясь напасть, появилась свора собак. С шипением выползла змея.

— Так это собаки из твоей реальности. Ты же в последнее время разными собаками бредишь, — говорю я.

Хоть и не в эти самые дни, но совсем недавно ты завершил свою повесть под названием «Белолобые волки». Это написанная для детей повесть о потомстве очень умной собаки, сбежавшей в лес. В то время ты перечитал о собаках кучу книг. Несомненно, тот сон явился воздействием этой повести.

Позже я обратила внимание: осталось у тебя много записей о собаках. Ты их распределял по породам: колли, лайка, овчарка, эрдельтерьер. Также есть запись о том,

что у знаменитого путешественника и географа Георгия Седова была собака по кличке Фрам, что когда во время длительного путешествия Седов умирает, мореплаватели хоронят его на острове Рудольфа. А Фрам, как ни старались путешественники забрать его с собой, не захотел покидать могилу. Ещё много дней слышны были его завывания.

Твои записи в дневнике не были пространными. Но об увиденном и услышанном ты хотя бы в двух-трёх словах делал пометки. Например, «Алкоголь исчезает, алкоголь проливается. Когда приезжает проверяющий из района». Или «Заботливо выпестованная жена. Поезд. Женщина всё время смотрит на парня. Вагон, поезд, пассажиры спят.

— Ты какой деревни?

— Каракитан».

«Некто занял у друга деньги и забыл (может, и не забыл вовсе). Друг ждёт-ждёт и думая, может, вспомнит про долг, снова даёт ему денег...»

Такие вот сюжеты в несколько строк со временем превращались в замечательные рассказы. Но обычно ты старался использовать их по горячим следам. Приготовив бумагу, надеваешь очки и, уже держа перо в руке, принимаешься мерить комнату шагами. Походив туда-сюда, вдруг громко рассмеёшься и, усевшись на место, быстро-быстро начинаешь писать. Свои юмористические рассказы ты большей частью писал таким образом. Любишь гладкую бумагу. В первом варианте некоторые предложения пишешь только наполовину, а некоторые слова помечаешь только одной-двумя буквами. Так спешишь, будто за тобой кто-то гонится. Сейчас вот раздумываю: мысли тебя подгоняли. Твоё перо скользя по гладкой бумаге, спешило угнаться за мыслями. Заканчиваешь писать и неспешно, аккуратненько переписываешь. Бывало, когда ты особенно доволен, посмеиваясь отправляешься к живущему двумя этажами ниже Зульфату. Однако я не помню, чтобы ты похвалялся написанным. Смотрел на это как на обычный повседневный труд. Если разные житейские заботы подолгу не давали тебе возможности садиться за стол, ты начинал нервничать. Говорил: «До чего надо-ели эти бесконечные проблемы, ведь столько всего нужно написать». Тебе хотелось уединиться где-то в тишине, в спокойном месте. Бывало скажешь: «У лесника, по крайней мере, отличная работа, чистый воздух, машины не грохочут».

Кроме того, у тебя было желание ещё хотя бы раз на море съездить. Но тебя удерживал мамин преклонный возраст. Когда наезжал старший сын, она, провожая его, говорила: «Наверно, последний раз видимся, но обессудь!» Шаукат абый мягко так отвечал: «Ещё увидимся в здравии, мама».

Шаукат абый и ты — единокровные братья. Сестёр ваших нет в живых. Одна из старших сестёр Наила похоронена в Казани на Татарском кладбище, недалеко от места, где твоё и Фирюзы захоронения.

Хотя я постоянно мыслями возвращаюсь к твоему отсутствию, сегодня стараюсь думать только о тебе живом. Вспоминаю только о лучших твоих привычках, припоминаю их заново, заново оживляю.

Одной из самых восхитительных твоих черт была необыкновенная душевная близость с родными. Со старшим братом Шаукатом вы любите, уважаете друг друга. При встрече вы прежде по-мужски крепко обнимаетесь и подолгу вспоминаете детские годы. У обоих отменная память. Когда вы рассказываете, ваше детство встаёт перед глазами от «А» до «Я». Разница в возрасте между вами всего три года. Куда бы ни шли, ходили вместе, вместе играли, даже учились в одних и тех же классах. Оценки у обоих хорошие. Я и теперь с восхищением, гордостью беру в руки твоё свидетельство об окончании седьмого класса, аттестат за десятый класс. От тебя я не раз слышала: «Художественной литературы мы читали много». По вашим рассказам, книги

из детской библиотеки вы читали наперегонки. Только Шаукат абый перечитывал их раньше тебя.

По достижении совершеннолетия, от одного конца земли до другого, между сушей и морем зачастили написанные с душой, наполненные юмором и шуткой письма. С нетерпением дожидаясь от брата письма, написанного так, будто он беседует с тобой, сидя, напротив. Стоило его ответам задержаться, начинаешь паниковать. Записанное в напоминающую нечто вроде дневника тетрадь воспоминание, очевидно, относится к одному из таких тревожных дней:

«В каких уголках земного шара можешь ты быть? Я здесь в одиночестве, на краю, в одной из точек, называемых „Казань“. А ты в огромном океане. К какому порту приближаешься ты, абый? К какой стране, какому городу, какому пункту, какой точке... Может, к отцовской могиле?»

Земной шар велик... Ты в одном из четырёх океанов... Ты в одном из городов Атлантиды, глядя на луну, скучая по родной деревне:

Через лес мои дороги...

Через лес, через реку,

Чтоб обнять, не хватит рук,» —

Наверное, сидишь, напевая...

15/VIII — 77, Казань, ночь

Эту песню ты и сам частенько напевал. Про Шауката абый и говорить нечего. Он приезжает домой, истосковавшись по татарской речи, татарской музыке. Только-только прибыв на родину, тут же начинает набирать пластинки с песнями. Г. Рахимкулова, И. Шакирова, А. Авзаловой. Кроме того, в каждый свой приезд старается повидаться с одноклассником и другом детства Рамзи Валиевым. Рамзи абый сейчас в Казанском государственном университете (нынче КФУ) на кафедре истории кандидат исторических наук... Родители Рамзи, оказывается, выращивали полный огород огурцов. Вы, посмеиваясь, рассказывали о том, что, прихватив с собой Рамзи, ходили туда «угощаться».

Шаукат абый — живой свидетель того, как тосковали по родному языку, мотаясь, в чужих краях наши земляки. Но ведь он исполняет долг перед Родиной. Служба эта ему по душе.

Хочу отдельно остановиться на таких строках из твоей записи в тетрадке: «К какому порту приближаешься ты, абый?.. К какой точке, какой запятой... Может, к отцовской могиле?» Ваш отец Шафигуллин Фаиз Рахматуллович похоронен на кладбище села Карашям Зеленодольского района. После твоей смерти нам из библиотеки села Карашям прислали копию вашего родословного древа. После дедушки Рахматуллы следуют твои деды Ибрагим, Монасып, Габдрафик, Гадельша, Хурмятша, Дусмямат, Абдельхамит. С тобой двенадцать поколений.

«В 1943 году была вьюжная зима с лютыми морозами, — рассказывает мама. — Вот в такой день похоронили вашего отца. Весной ставить ему ограду было некому. Военное лихолетье, разве людям дело до ограды? А с годами и те, кто хоронил, разъехались кто-куда. Так могила затерялась».

Чем старше ты становился, тем сильнее в тебе возрастало желание говорить с отцом, сев к его изголовью. Ты хотел бы поставить ограду на его могилу, посадить дерево. Но слишком много времени прошло. Когда ты начал искать, выяснилось, что умер и последний из людей, хоронивший его. Однако в душе у тебя всегда жила огромная любовь к отцу. Через тебя и я знаю, что мой свёкор был искусным столяром-краснодеревщиком. Незадолго до смерти, построил шестистенный дом, разукрасив оконные ставни, карнизы, под окнами посадил две рябины. Из-за болезни он не мог

быть отправлен на фронт. В самые тяжёлые годы руководил колхозом, был человеком бескорыстным. По сути и к гибели его привело бескорыстие. Этот беспокойный человек, готовый до последнего вздоха стараться для людей, для страны, для фронта, отправился на лошади в райцентр. Когда возвращался, поднялся буран, он заблудился. Сильно замёрзнув, он всё-таки добрался до дому, свалился и от двустороннего воспаления лёгких через два дня умер.

«Шауката абый я нахожу похожим на отца», — говорил ты. Вижу в нём отца. С самых малых лет любое хорошее дело ты начинал по примеру брата. Скажем, писать стихи Шаукат абый начал первым. Рисовать — тоже. И на море он ушёл первым. Как и он, ты пошёл служить на Дальний Восток. Следуя ему, нарисовал много хороших картин. Стараясь превзойти старшего брата, писал хорошие стихи. Достаточно поскитавшись в чужих краях, по возвращении обосновался в Зелёном Доле. Там Идрис ага Туктар таких перспективных молодых ребят собирал в одну связку. Назим Ханзафаров, Азат Вергазов, Виль Шарафутдинов... хоть и не часто, но встречаясь и подолгу разговаривая, вы интересно проводили время. В Зелёный Дол Шарафутдиновы переехали не так давно. Виль работает в училище. Ты диву давался его мастерству, деловитости. Ты всю жизнь любовно хранил подаренный им выжженный на доске портрет В. И. Ленина. Собирался написать очерк об этом своём товарище, руки которого творили чудеса. Но... мне представляется, что задуманное, но так и не осуществлённое тобой осталось долгом на мне.

Мне дороги все люди, которые были близки тебе. Например, ты восхищался редактором газеты «Юный ленинец» Розой Туфитулловой. «Если бы я был художником, — говорил ты, — в первую очередь я нарисовал бы её глаза. Прелестные, миловидные глаза. Своим взглядом может воскресить даже умирающего».

«Милосердные люди, люди, творящие добро, произошли из рода ангела Исрафила», — говорит наша мама. Она много читает старинных книг. Мы (т.е. люди) принадлежим к родам четырёх ангелов — Исрафил, Жабраил, Михаил, Газраил. Да, от Газраила, забирающего души, тоже произошли люди. Наверно, на свете нужны и люди, творящие зло. Чтобы сбивать с ног хороших людей, портить им жизнь, убивать... Это отзвуки старины. А мы мерим сегодняшними мерками. Мы оцениваем человека по его сегодняшним делам, поступкам. Не берём в расчёт пройденный им путь.

В родные пенаты ты вернулся к двадцати трём годам, избородив всю Россию вдоль и поперёк... После возвращения ты установил тесную связь с районными и республиканскими газетами и журналами. И уже в эти годы начал печатать прекрасные стихи.

*Ты не думай, что огонь сердечный
Загорится, вспыхнув, как костёр,
И вдруг погаснет на ветру холодном,
Пепла не оставив и следа.*

В районной газете «Заволжье» («Идель ягы») ты также опубликовал некоторое количество стихов Шауката абый. Когда мы с тобой поженились, ты с гордостью показал их мне, дескать, вот такая у меня родня. Однако рисунки Шауката абый изящней его стихов. На полотне он переносит то, что видел своими глазами, то, что почувствовал сердцем. Об этом говорится в статье члена Союза художников И. Рыбачука, посвящённой выставке, организованной во время плавания. Он пишет: «Во время командировки мне пришлось плыть до Петропавловска-на Камчатке на теплоходе „Илья Мечников“. (Как раз в это время на теплоходе было выставлено более тридцати картин Шауката абый) „Во многих из картин морские пейзажи. Изображены с большим искусством. Я смотрел их с большим интересом. Экипаж может гордиться тем, что у них есть такие художники“, — заключает свою статью Рыбачук. До сих пор

перед глазами: закончив читать, ты, Фаиль, всё сидел, повторяя: „Большой человек дал оценку, знаток, специалист оценивал“».

Шаукат абый и в самом деле человек одарённый, талантливый. Но очень скромный. Он ощущает себя прежде всего моряком, а не художником. В нагрудном кармане у него хранится специальный паспорт. Он ходит за границу на грузовом теплоходе. Вот и в последнем письме пишет, что должны отплыть в Новую Зеландию. Счастливого пути ему, чтобы в добром здравии, как он сам говорит, увидеться вновь! Вместе с мамой, его женой, двумя его детьми, Шаукату абый счастливого пути желают две дочери Фаиля. На этом свете, кроме их отца, для них это самые близкие, самые дорогие люди!

Подходим к подаренным нам картинам Шауката абый, восхищаемся его мастерством. В этот момент будто перед глазами встаёт искусно изображённый им его голубоглазый брат. Словно за синими далями, золотыми нивами звучит сильный голос Фаиля...

Сегодня я очень рада, Фаиль, что у нас дома осталась магнитофонная лента с записью твоего голоса. Впрочем, твой голос итак всё время на слуху. Но эти записи нечто другое. Первая — через какое-то время после нашей женитьбы, когда мы сидели четвером — ныне покойный Тауфик Камалиев, Зульфат вместе. Вторая — во время поездки в Балтаси к твоему свояку в гости (его тоже, к сожалению, сейчас нет в живых). Третья — примерно за неделю до твоей смерти... Голос бодрый. В первых двух читаешь свои стихи. В последней — читаешь один отрывок из романа Мухаммада Магдиева «Ут чэчэгэ» («Горицвет»).

Коли речь зашла о Тауфике, не могу не сказать о бывшем между вами большом взаимном уважении. Любой своей радостью он делился с тобой. А мы частенько собравшись семьёй, отправлялись к ним. В одном из наших посещений Тауфик вручил нам три альбома. В альбоме собраны рисунки их старшей дочери Миляуши. Одни приклеены, другие пришиты. Всё это вместе Тауфик собрал сам. Очень любил он детей. Очень дорожил своей семьёй. Две чудесные дочери, красавица жена Тауфика осиротели. Без слёз смотреть на них невозможно. Его жена Роза была будто создана для хранения тёплого семейного очага — прекрасная кулинарка, любящая жена и мать. Жизнь жестока. Ей нет дела до того, кто для чего создан!..

«Поэт Тауфик Камалиев безвременно ушёл из жизни. Он в истинном смысле этого слова душевно любил детей, был их искренним другом. В своё время, работая литературным сотрудником журнала „Ялкын“, Т. Камалиев много сил положил для роста детского творчества. Если от какого-либо читателя приходили более или менее удачные рисунки, стихи или рассказ, Тауфик радовался от чистого сердца и безотлагательно писал юному автору письмо с похвалой, добрыми пожеланиями и советами. Ни один юный талант не оставался без внимания со стороны Т. Камалиева», — так писал ты в предисловии к подборке его стихов в журнале «Казан утлары».

Говорят, что после смерти человека незавершённых дел остаётся ещё на три дня. И правда, из известных мне, у тебя осталось одно незавершённое большое дело: собрав всё творческое наследие Тауфика в одну книгу, издать с твоим предисловием. Как ни прискорбно, ты и сам прожил недолго после Тауфика.

Человек задумывается. Хоть дни и ночи думай, хоть месяцы и годы, конца этим думам не найдёшь. Но не затягивая ни слов, ни дум, скажу — истина скорее лежит на поверхности — отпущенную тебе жизнь надо прожить весело, играючи, зная ей цену, дорожа ею. Плачущих, жалующихся на жизнь людей ты терпеть не мог. Зато тебе нравился всегда жизнерадостный, шумный Нури ага Арсланов, который, несмотря на преклонный возраст, мог, подобно цирковому жонглёру играть своей нарядной

тостью. В ту чёрную осень... у Нури ага должен был отмечаться юбилей. Тебя избрали членом юбилейной комиссии. Это был наш совместный первый выход на торжественный вечер. Ещё в доме отдыха в Пицунде мы говорили об этом и обсуждали выходные наряды. Я должна была надеть длинное синее платье, а ты — батник цвета кофе с молоком и чёрный костюм.

— Файль, с какого времени ты знаешь Нури абый? — спросила я тогда.

— В «Казан утлары» вместе же работали, — сказал ты.

Помню, хорошо помню. Как-то была телепередача, посвящённая Нури Арсланову. Для участия в передаче он пригласил, как своих бывших учеников, тебя и Зульфата. Вы, беседуя, прогуливались в очень красивом осеннем парке. Вас тогда сняли в кино.

В то время «Казан утлары» помещались на втором этаже дома № 19 на улице Баумана. Заки Нури, Лябиба Ихсанова, Вакиф Нуруллин, Фарваз Минуллин — вы все работали вместе. Ты тогда из одной маленькой детали, перемешав между собой всех Минуллиных и Нуруллиных, написал забавный рассказ. После этого со своим псевдонимом Муштек Апкали Туребкалы ты достаточно нашумел в те годы.

Будучи редактором выпускаемой при Союзе писателей стенгазеты «Тынгысыз калям» («Неуёмное перо») ты с увлечением писал туда статьи. У тебя было такое отличительное свойство: ты всегда ловко подмечал в человеке его какую-либо особую черту и, увеличив её до размеров слона из мухи, мог создать сочный рассказ или портрет.

Прервавшись на этом, я хотела бы предложить читателю написанный в то же самое время, но не вошедший в твою книгу эскиз. Называется он «В связи с приездом Пеле в Казань».

«На улице Ташаяк Махмута Хусаина остановил некий человек. Между ними произошёл такой разговор:

— Узнаёшь меня? — спросил незнакомец.

— Нет, не узнаю, а кто ты? — сказал Махмут Хусаин.

— Я ведь Пеле. Бразильский футболист.

— Я татарский поэт Махмут Хусаин. О Мусе слышал?

— О Муса!

— Гудбай, Пеле!

— Гудбай, Муса!

Идёт погрустневший Пеле, навстречу ему попался Наби Даули.

— Узнаёшь меня? — сказал Пеле, поздоровавшись с Наби Даули за руку.

— А ты меня узнаёшь?

— Так ведь я Пеле. Знаменитый футболист.

— Ну, и что?

— Меня весь мир знает.

— А мне какое дело до этого?

— Но я же сам Пеле.

— Таких Пеле вроде тебя у нас в Казани хоть пруд пруди...

— Тогда бонжур.

— Давай, давай, шагай...

У Пеле напрочь упало настроение. Зашёл в буфет. А там Мударрис Аглямков. Сидит, как раз чай распивает. Пеле торопливо подошёл к нему, подал руку.

— Узнаёшь меня, товарищ?

— Узнаю, конечно, — говорит Мударрис Аглямков, — как ещё твоё имя? Вот на языке вертится...

- Пеле я.
- А, ну да, ну да, Пеле. Вначале я было с Хуано Себастьяном дель Кано спутал.
- А! Ты говоришь про капитана каравеллы «Виктория»? Так ведь он путешественник, а я футболист.
- Себастьян дель Кано тоже играл в футбол.
- Что-то я не слышал.
- Играл. Летом 1525 года. На Филиппинах на стороне испанцев играл он. В воротах стоял сам Гарсия Хофре де Лаойса. Испанцы команду Пунта Аренас обыграли со счётом 12:2.
- О!
- Потом в 1531 году в городе Трухильо...
- Бонжур, Мударрис, я спешу...
- В дверях Пеле увидел Радифа Гатауллина.
- Привет!
- Привет!
- Я Пеле.
- О гениальный Пеле!
- Я футболист Пеле.
- Господин...
- Я Пеле.
- Ты видел, великий Пеле, мой поэтический репортаж, напечатанный в газете?
- О!
- О!
- Пока!
- Пока!

После выхода из буфета навстречу Пеле попался Галимжан Латып.

- Я Пеле, узнаёшь? — сказал Пеле.
- Вот как? — сказал Галимжан Латып улыбаясь. — Что поделяваешь?
- Я Пеле. Знаменитый футболист Бразилии.
- Ты с Сибгатом Хакимом увиделся?
- Нет.
- Ведь поживёшь ещё в Казани?
- Поживу ещё.
- Тогда не переживай, ещё увидишь.
- О' кей!
- Будь здоров, Пеле!

Когда Пеле торопливо шёл по улице, чуть не сбил с ног Гарая Рахима.

- Узнаёшь меня? — сказал Пеле по обыкновению.
- Вроде бы видел где-то, — сказал Гарай Рахим, покраснев.
- Я Пеле.
- Иди ты! Где устроился?
- В «Дружбе».
- В «Татарстан» бы надо. Ладно, вернись в Союз, Файзуллину скажу.
- О' кей.

Едва Гарай Рахим завернул за угол и только пропал с глаз, навстречу Пеле Миркасим Усманов подвернулся. В глазах Пеле загорелись искры надежды.

- Может, ты узнаёшь меня? — спросил Пеле, стараясь не выдавать свою радость.
- Тебя-то? Да я тебя по твоим подошвам узнаю, если ты даже в печку залезешь.
- Я ведь Пеле.

— Чёрта с два ты Пеле. Ты поэт Булат Сулейманов, который ездит по всей России, печата в всех изданиях свои написанные за год десять стихотворений...

Таким образом, снижавшие твои симпатии герои говорили сами за себя. Даже твои товарищи, заметив на улице человека, отличающегося от окружающих чем-нибудь необычным, говорили: «Вон идёт герой Фаиля». Хотя внешне они были несколько странноваты, на деле были душевно здоровые, острые на язык, интересные люди. Возьмём хотя бы рассказ «Сафура, Бакер и трактор».

Характеры мужа и жены ты раскрываешь через их переписку. Смешивая комическое и серьёзное, показываешь, что несмотря на их сложные взаимоотношения, они верные, любящие супруги. Это чистые сердцем, душевно преданные родной земле и искренне болеющие за народное добро селяне. Драматизм там сильный. Поэтому артисты быстро взяли это на заметку. Не только этому произведению, но многим твоим рассказам была суждена сценическая жизнь.

Начав работать в журнале «Чаян», ты стал отдавать юмористическим рассказам больше предпочтения. Однажды к тебе заявился земляк из одного с тобой района, из деревни Бачек Рашит Сабилов — заслуженный деятель искусств Татарстана, мастер художественного слова, работающий в филармонии. Этот очень воспитанный, скромный молодой человек сказал о своём желании иметь в своём репертуаре специально написанные для исполнения с эстрады юмористические рассказы. Ты согласился не сразу. Видимо, понимал, писать рассказ для эстрады, к тому же юмористический, — не игрушки. Подумав, сказал: «Посмотрим». Начиная с этого времени вы с Рашитом долго сотрудничали. Он к тебе обратился, осознавая всю глубину твоего таланта, весь твой творческий потенциал. Постепенно стало уже трудно представить репертуар Рашита Сабирова без твоих произведений. В целом за достаточно короткий срок ты много успел сделать для филармонии. Для заслуженной артистки Татарстана Риммы Ибрагимовой написал специальную композицию «Родная земля — родная мать». С группой лектория — творческие вечера, с композитором Зиннуром Гибадуллиним — мини-оперетту, около десятка монтажей, скетчей, диалогов и многое другое... Так ты уже близился к драматургии и моя вера в то, что ты преуспеешь и в этой области, была велика.

Ты часто прочитываешь пьесы. Знакомишься с критическими статьями о драматургах, сценических произведениях. Кое-что берёшь себе на заметку. Вот к примеру: «Под занавес победа героя не важна, важно то, что зритель унесёт из театра...». Чьи это слова, я не знаю, но ниже вот такие слова латвийского драматурга Паула Путныньша: «Как известно, драматургия — литература конфликтов. Для того, чтобы создать серьёзную почву для развития конфликта между людьми, силы противоборствующих сторон должны сравняться, сблизиться. Против великой святой силы должна стоять большая и страшная сила. На первый взгляд всё очень просто и понятно. Но в каждом отдельном случае проблема не так просто решается. Персонажи произведения должны быть живыми и жизненными. Добро и зло часто даются в переплетении. Иногда различить их бывает не так-то просто. Короче, хорошая пьеса должна быть такой же сложной, как сама жизнь».

В последнее время мы частенько посещали спектакли, где играли артисты театра драмы и комедии. В Дворце Химиков мы посмотрели спектакли по пьесам Ильдара Юзеева «Вслед за дикими гусями» и «Командировка». «Ах, как народно! — подивился. — Когда только успевает!» — сказал ты и добавил: «Помяни моё слово, я для тебя ещё такую комедию напишу, чтобы весь народ от смеха катался!»

— Почему для меня?

— А кому гонорары достанутся?

После этого короткого разговора мы от души посмеялись над тем, как «он написал, а я разбогатела».

Вот она жизнь!

И как коротка!

Сколько бы ты ни работал, несделанного оставалось ещё больше. Многое из начатого осталось незавершённым. Теперь мы о тебе говорим «работал». Говорим в прошедшем времени. Перо твоё было остро, сказанное слово — весомо. В последнее время твоё желание написать комедию усилилось. Она должна была быть о лошади и конюхе.

По твоим рассказам я представляла старую лошадь, пощипывающую траву возле развалин изгороди.

Подростком ты работал при лошадях. Возможно, поэтому любовь к лошадям была особенно велика. Если, будучи в деревнях, нам приходилось ездить на лошадях, ты бывало берёшь вожжи в свои руки и мягко так понукаешь: «Но-о, скотинка!»

Те, кто читал твою повесть «Что значит дом построить?», наверное, помнят, каким было отношение Расима к своей лошади по кличке Карлыгач (Ласточка). Карлыгач и в самом деле твоя лошадка, которую ты мальчишкой водил в упряжке. Ты узнал, что умную резвую Карлыгач, когда она состарилась, должны были препроводить на бойню. Ты то и дело возвращался памятью к воспоминаниям о её спокойном, покладистом нраве, о том, как, узнав издали, она встречала тебя радостным ржанием. Ты говоришь о ней так красиво, будто рисуешь самое лучшее в мире живое существо, изображаешь её повадки. По-моему, в незаконченной части повести «Что значит дом построить?» большая доля должна была быть о Карлыгач. Это всего лишь предположения. А в реальности вместе со своими Расимами, Таслимой, Хабирами на возу Карлыгач, загруженным будущей своей судьбой, ты пропал и исчез!.. Ты исчез вместе со своей широкой душой, способной вместить в себя лошадь в упряжке и свои



Справа Фаиль Шафигуллин, в середине Барлас Камалов

неисчислимые тайны. Но сотни твоих героев остались в человеческих сердцах. Их невозможно спутать ни с одним из персонажей других писателей. Каждый из них будто кричит: «Мы родились в фантазии Фаиля!» Возникшая по отношению к ним любовь с годами не убавляется, только возрастает!

Детская мечта, моя лошадка белая,

Что берёзка белая сказала на прощанье?

«...Душу мне тревожит забытая мелодия:

За дальними горами лошадки белой ржанье...»

Привычка смотреть на лошадь с упованием как на тянущую груз жизни, на кормилицу, идёт ещё от отцов и дедов. Это знак душевного отношения к лошадям, знак любви к ним, способность оценить их героизм в Гражданскую и Великую Отечественную войны, когда подобно урагану их эскадроны обрушивались на врага. Несущаяся в наших грёзах, развевая великолепные гривы, романтика крылатых коней сродни символу поэзии Пегасу.

У нас не было привычки к накопительству. И всё же в Коктебеле, будучи в Доме творчества, мы купили изображение трёх коней на бумазее (можно сказать, ковёр). Вещь недорогая, но тебе понравилась. Ковёр довольно долго висел на стене. Не оставил этот ковёр равнодушным и Альберта абый Яхина, зашедшего к нам по пути. При пристальном разглядывании вы нашли у художника много несоответствий. Тогда ты мне сказал, что Альберт абый Яхин человек правдивый, что он из простых комбайнёров поднялся до редактора журнала «Чаян», кандидата филологических наук. А с моей стороны к его личности проснулось уважение совсем по другому поводу. Когда он рассказывал о том, что сам размальывает и сам варит кофе, я поняла, что он хозяйственный мужчина. Немного погодя, оглядев накрытый стол, Альберт абый спросил: «Ты всегда так накрываешь, сестрёнка?» Посмотрев на собранную на скорую руку трапезу, я смутилась. А он, взглянув на тебя, сказал: «Цени свою жену! Береги!» Не знаю, то ли услышав о какой-то размолвке между нами, то ли сказал просто так, эти его слова долгие годы согревали мне душу!

В итоге мне хочется сказать, что ты во мне, женщине, сумел пробудить любовь к лошадям, и этой «болезнью» я действительно заразилась от тебя. Таких, перешедших от тебя «болезней» в нашей семье довольно много. Я радуюсь тому, что дочери, подобно тебе, ранние пташки, не любят поздно вставать. Как и тебе, обоим нравится рисовать. Однако, сердце болит оттого, что моим детям некого называть «папа». Душу терзает то, что на полпути оборвалась возможность проявлять друг о друге заботу.

Забота о семье для женщины самое приятное занятие, самое большое удовольствие. Ты предпочитал овощные блюда. Уже ранней весной начинаем есть салаты с зелёным луком и редиской. Варим суп с майской крапивой. Частенько печём пирог с капустой и яйцом. Разваристая варёная картошка тебе никогда не надоедает, особенно круто посоленная. А пюре недолюбливал. Если ехали в мою родную деревню — то предвкушали мясной пирог с бульоном внутри — ит бэлеше¹. Там давно знали о твоём вкусе. К утренней трапезе у моей мамы пирог был испечён, а баня растоплена. А сама она уже стоит возле твоей постели с парным молоком.

— Зятё-ёк, — мягко говорит она, — выпей-ка спросонья это молочко.

Когда папа с мамой возвращаются «опробовав» баню, туда отправляемся мы с тобой. Ты любишь жаркую баню. Парная — твоя страсть. Вволю отхлестав себя веником, выходишь в предбанник чтобы отдышаться. «Париться — это своего рода массаж,

¹ Ит бялеше — высокий пирог из картофеля и мяса

нервную систему укрепляет», — говоришь ты. Припомнив народную поговорку, добавляешь: «Сколько дней попаришься, настолько удлинишь свою жизнь».

Тебя чтут и уважают не только мои родители, но и все односельчане. Именуют тебя только «писатель», твоих детей «дети писателя». Стоит тебе показаться — с одного конца деревни до другого в гости зовут, делятся своими проблемами, рассказывают обо всём виденном и слышанном. В мою родную деревню мы приезжали довольно часто. В каждый приезд что-нибудь да напишешь. С деревенскими ты говорил запросто, как с равными себе. Поднявшись с зарёй, ты обходил все поля и нивы, родники и горы.

— Отец, тут, оказывается, у вас есть родник с очень вкусной водой. Я оттуда принёс святой водицы, — с этими словами протягиваешь папе бутылку.

— На какой родник ходил? На родник беглеца или на Галлямов родник? — говорит отец, поверив тебе.

— Ну и простота, — говорит мама про папу, не разгадавшего хитрости зятя. Потом все обернув в шутку, говорит:

— Днями тут у папочки вроде зубы разболелись...

— Молодец, мамочка, с тобой всегда можно договориться, — смеёшься ты.

Ты моих родителей всегда ласково называешь папочкой и мамочкой. В делах помогаешь, за разговорами с ними с удовольствием проводишь время. Вскоре наступает день нашего отъезда.

— Считанные дни так быстро пролетают, будто и не виделись, приезжайте ещё, — говорят нам на прощанье.

Конечно, приехали бы, и не раз. Только так трагично закончилась твоя жизнь! А ведь кажется, что вот совсем недавно познакомились и только что... состоялись первые свидания...

Период семинарских занятий. Наряду с другими начинающими писателями анализировали в тот год и твоё творчество. Выступающие Хасан Туфан и Наби Даули. Мне поручили писать протокол. Разве мне раньше выпадало счастье слушать таких выступающих? Для деревенской девчонки, считавшей писателей ангелами, только без крыльев за плечами, это была неслыханная удача. Заслушавшись, я и перестала записывать. Вдруг очнулась от строгого оклика: «Эльмира, ты заснула что ли?» Это был твой сильный голос. Дескать, я как раз не записала в протокол слова похвалы, сказанные в твой адрес.

Потом я познакомилась с абсолютно седым, бойким на язык Идрисом Туктаром. Он дал понять, что имеет ко мне кое-какие поручения. Узнавать, как исполняются эти «поручения» из Зелёного Дола стал являться ты... С этого началась наша дружба. Стоило мне после работы выйти на улицу, там уже дожидаясь ты, сверкая своими голубыми глазами. Предлагаешь сходить в кино. Зовёшь прогуляться по парку. Иногда, припозднившись, ты оказывается, и на поезд опаздывал. Уже потом, после нашей женитьбы рассказывал, что на обратном пути, задремав, несколько раз до Канаша доезжал. Ты в то время на заводе работал. То, что работа у тебя была тяжёлая, я узнала только после того, как, выйдя за тебя замуж и переехав в ваш город, устроилась на твой завод работать. Работая на заводе, ты окончил вечернюю школу, поступил в университет на отделение журналистики...

Файль, мне хочется написать песню о тебе. Как о необычайно старательном, трудолюбивом человеке. Человеке необыкновенно странном и в то же время удивительно простом. О четырёх временах года прожитой нами жизни, о беспощадных волнах избородённых тобой морей, о последней кошмарной ночи твоей жизни, бросившей нас из огня в полямья.

Нет, слова песни не должны быть о тяжёлых переживаниях, они будут лёгкие и бодрые, улыбочивые и светлые. В песне несомненно должны быть любимые тобой шум колосющейся нивы, тёплый грозовой дождь, обещающий изобилие, и наши, давшие ростки в саду любви дети... Ты сказал бы: «Если бы быть живым, много чего имело бы место». А я бы засмеялась в ответ. Засмеялась и начала рассказ о том, как мы поженились.

Забавной получилась наша женитьба... Ты приехал за мной, не дожидаясь оговорённого заранее дня, которое гласило бы, что «поженились они согласно шариату, в такой-то день». Я говорю:

— У меня ведь ещё не все вещи готовы.

Ты говоришь:

— Но зато на улице готовая машина.

Поехали. Погрузили вещи в машину и поехали. Ты сел на переднее сиденье, к пепринам и подушкам — я...

Прошла осень, зима прошла, прошла и весна. Наступило лето. Набив книгами огромный чемодан, отправились мы на летнюю сессию. Устроившись на квартиру, всего один день побывали мы на лекциях. Вечером того же дня ты отвёз меня в роддом. А на рассвете родилась наша дочь! Плод нашей любви! Наш первый ребёнок, созданный из нашей крови, наших душ!

Вернувшись из роддома, едва перевела дух и, собравшись с силами упрямо взялась за учёбу. Настырно хожу на зачёты, экзамены, стараясь не отстать от сокурсников. С младенцем на руках мне наверняка бы в одиночку не одолеть целую сессию. В самый трудный момент, нагрузившись детскими одеяльцем, подушкой и другими гостинцами, не посчитавшись с трудностями дальней дороги, появляется моя мамочка. С хозяйкой квартиры Халимой апа вдвоём, нянчась с ребёнком и ещё ухаживая за мной, они создали условия для успешной учёбы. Тысячу раз спасибо им за их милосердие, с их великой поддержкой я завершила сессию без всяких хвостов. Затем в тот же день после сессии отправилась к твоей маме в Зеленодольск. Таким образом, туда, оттуда мы выехали вдвоём, завелись втроём, с прибавлением в семье. Мама как раз возвращалась с родника. Глядя тебе в глаза, сказала: «Вот так оно бывает, коли не умеешь смиренно сидеть?» Ты громко рассмеялся в ответ на понравившуюся шутку матери. Мы прошли в дом. В десяти квадратных метрах стало на одну душу больше. В тесноте дома ещё одно место заняла детская коляска.

Сейчас, разбирая архив, рассматриваю твои сохранившиеся старые документы. Даже эта маленькая комната досталась тебе с большим трудом. Сколько приложено старания Союзом писателей Татарстана.

Вот, написанное 17 августа 1965 года письмо за номером 84. Оно написано бывшим тогда ответственным секретарём Союза писателей Татарстана Заки ага Нури в адрес руководства завода, где ты работал. Умное, убедительное, человеческое письмо. Заки абы для тебя вообще сделал много добра. Вот сижу, делаю вывод. Люди, чтобы получить даже небольшой уголок, работают по двадцать-тридцать лет. Их сыновьям уже жениться пора, девочкам замуж выходить, а очередь всё не подходит. А ты, начав работать в 1962 году, через четыре года получил квартиру, это, конечно, результат вот такой отеческой заботы твоих старших коллег.

Ты в мире литературы вообще с самого начала попал в надёжные, крепкие руки. Я уже упоминала об оценке, данной твоим стихам на семинаре молодых писателей одним из самых именитых наших поэтов. Теперь же, подходя к первой твоей книге прозы, читаю отзывы, дающие тебе благословение:

Гариф Ахунов, 1966 год, 17 апреля, Альметьевск.

«Файль Шафигуллин. Рассказы. 4 п.л.

Среди начинающих сегодня авторов, пишущих прозу, по-настоящему надёжные очень редки. Исходя из этих соображений, должен подчеркнуть, что рассказы Фаиля Шафиуллина произведения, достойные внимания.

У автора есть несколько хороших черт: он умеет видеть, наблюдать. Об увиденном умеет писать кратко, умеет выстраивать сюжет. Есть и не затёртый истинный, цельный татарский язык. Из десяти рассказов сборника все читаются легко, не утомляют. Молодой автор довольно удачно передаёт разнообразные переживания, чаяния и, устремления жителей села. Здесь есть и мать с нетерпением ожидающая своего ребёнка, и оставшаяся на селе лаборанткой девушка-комсомолка, и другая бойкая девица, с позором изгнавшая приехавшего в деревню нового муллу, и мелкий жулик, ворующий, прикидываясь инвалидом, и конюх, готовый отдать жизнь ради спасения лошади.

Такие, даже небольшие рассказы, как «Сердце матери», «Три ягнёнка» трогают душу. Прекрасно обрисованы переживания матери с тоской ожидающей возвращения сына в «Сердце матери». Мать не перестает ждать сына, не вернувшегося, несмотря на неоднократные обещания. Ночь. На дворе дождь. Мать выходит во двор.

— Мама, это ты? — спрашивает её дочь.

— Я, — ответил слабый старческий голос, — и ты ещё не спишь? Вчера заглянуть забыла в почтовый ящик. Решила проверить, чтобы там не вымокли письма, если вдруг пришли... Постой-ка, доченька, твой брат в последнее время вроде бы писал, что плащ собирается купить? О боже, купил ли?.. Ну и лёт...

Рассказ так завершается. Письмо, которое «как бы не промокло», взрослый сын, который «как бы промок» (деталь с плащом) — они по-настоящему усиливают величие материнского сердца.

Если взять в целом, сборник интересен, в рассказах есть найденные самим автором, обращённые к читателю, идущие от души слова. Вот это-то и важно. После тщательного редактирования, думаю, сборник станет ещё лучше.

Книгу надо напечатать.

Доброго пути Фаилю!»

На «Сельского соловья» («Деревенского соловья») другая рецензия — Барласа Камалова, написанная также подробно. Интересная и как оценка твоего творчества, не потерявшая и сегодня своей актуальности.

Видеть протянутые к тебе навстречу такие надёжные руки, ощутить тёплые взгляды зовущих на свою завалинку талантливых людей, прежде, чем ты не успел даже встать на ноги, это я бы сказала, счастье, которое ощутить даётся не каждому. Вовремя угадать твою надёжность, направить в верное русло — одно это чего стоит.

1969 год. Рождение нашего первого ребёнка Раушании. В тот же год в наше маленькое жилище ворвалось ещё одно счастье. Твоё членство в Союзе писателей СССР. Помню, как сегодня. Тёплый солнечный день. Ты в Казани. Потеряв терпение, мы с дочерью вышли на улицу дожидаться тебя. В какой-то момент вижу — несёшься ты. На твоей поджарой фигуре облегающая сорочка в синюю полоску, брюки клёш.

Длинные волосы, упав на высокий лоб, растрепались. Иногда «гребнем Сайдаша», т.е. пятернёй ты поправляешь их...

В Союз писателей ты прошёл с рекомендациями Хасана Туфана, Наби Даули и Заки Нури.

Я не могу не перечитать в очередной раз данное тебе благословение аксакалом нашей литературы Хасаном Туфаном, которую мы читаем как священную суру.

«Если бы Фаиль вырос не в деревне и не в семье, потерявшей отца, а в городе и в более благоприятных условиях, на литературном поприще объявился бы гораздо раньше.

Юношу, проходящего после семилетней школы школу трудовых будней (и сейчас там), мы сегодня после достоятных испытаний приглашаем в ряды писателей.

В наши ряды он приходил не из «литературицы», а из самой жизни, из труда. Приходит со своими, должными быть высказанными поэтическими чувствами — мыслями. Жизнь уже достаточно хорошо подсказала ему, как их надо высказать. Об этом свидетельствуют его напечатанные стихи, немногословные, но многозначительные. Его стихи «К родным пенатам» («Туган үскән нигез таишларына») широтой содержания, глубиной сопоставимы со стихотворением «Корабль» Дардменда. Глубокий смысл высказывания золотоискателей — «Золото нашёл — тут же себя потерял» как будто лишь всего дидактическая мысль. Но умение образно высказать эту голую дидактическую мысль приводит к желанию читать это произведение ещё и ещё раз. Автор умеет использовать простые, бытующие в народе поэтические красивые образы. Этот скромный поэт показывает примеры расширения роста потенциальных возможностей стиха.

Его не интересуют безритмованные ритмики модернизма. В Фаиле ясно чувствуется влияние лучших традиций Ахмета Файзи.

В рассказах Фаила восхищает хорошее знание реальной жизни, умение рассказать о ней с высокопоэтическим ощущением окружающего мира.

Фаиль Шафигуллин является одним из достойнейших кандидатов быть принятым в члены Союза писателей и по творчеству, и по человеческим качествам».

Ты оправдал надежды мастеров и в области поэзии, и в области прозы. И как ещё оправдал! Бесперывно писал, трудился. Я видела, как усиливалась в тебе многократно ответственность после высказанных в твой адрес ожиданий. Твоя требовательность к себе возросла ещё более. Если ты видел недостатки в своих сочинениях, безжалостно рвал и выбрасывал, говоря: «Мусор!» Без вдохновения, т.е. без охоты писать ты не садился. Не помню, чтобы ты переживал муки творчества. Наблюдать за тобой было одно удовольствие. Будто ты не буквы писал на бумаге, а снимал кардиограмму своего сердца. Возможно, потому, что ты записывал биение сердца, в твоих произведениях чувствуется ровный ритм, классическая стройность.

Требовательность вообще была одной из черт твоего характера. В первую очередь, конечно, к своему произведению. Потом, к жизни, к судьбам твоих товарищей. Ты был человек прямой и твёрдых правил. Мог прямо в глаза сказать правду — но всё это из человечности, для пользы дела, из желания добра. Поэтому, несмотря на твой ранний уход из жизни, ты успел оставить талантливых учеников. Возможно, ценность человека этим и измеряется — оставлять после себя продолжателей!

В народе говорят: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты». С Ризваном и Зульфатом вы были неразлучными друзьями. Чтобы вас «необузданных» привести в чувство, к вам иногда присоединялся Магсум абый Хузин, призывая вас к порядку, временами приглашая в «колхоз», то есть на дружескую помощь «по хозяйству». Компанию вашу пополнял Халим Залялов. Стоило сойтись всем вместе, находя смешное даже на пустом месте, начинали хохотать. Нахохотавшись вдоволь, заставляли Халима петь. А потом вспоминали о необходимости срочно найти машину, чтобы перевезти доски от разобранного сарая.

Когда возникала необходимость в физической силе, ты всегда обращался к нему. Звал моего младшего брата и свояка. Фани следом за тобой стали называть просто «своак». А мой младший брат Рашит для всех вас остался «каенеш»¹.

Что касается близких друзей, хочется сказать о семье Ахмета Гаделя. У них есть очень умный сын по имени Ихтияр.

¹ Младший брат жены — каенеш (шурин)

— Представляя себе заранее будущее этого мальчика, Ахмет каждую маму, имеющую дочь, называл «кума». Вот с этим предполагаемым «кумом» в последние годы вы часто бывали в районах Мамадыша и Рыбной Слободы по следам писем с жалобами, приходящими оттуда в газету «Социалистик Татарстан» и журнал «Чаян».

«Выходя в дорогу, возьми с собой хорошего товарища» гласит народная пословица. В этом отношении ты всегда отзывался об Ахмете с похвалой. Ценил его за умение быстро находить с людьми общий язык. «Куда ни сунься — везде его „родная деревня“ — и, в самом деле, встречают его с распростёртыми объятьями и растопленной баней», — смеялся ты. Ахмета Гаделя мы знаем как поэта. Но ты прочитал доселе никому не известные его рассказы и записал: «Многое написано в духе Шарифа Камала с использованием уныло-подробных разъяснений. Если попадёт в руки таких замечательных редакторов, как Раис Даутов и Киям Миннибаев, выйдет отличная книга».

Коли речь зашла о командировках, хочется обратить внимание на одну черту, подтверждающую твою скрупулёзность при сборах в дорогу. Я уже не говорю о мыле, полотенце, смене белья, это и так понятно. Их каждый путешествующий берёт с собой. Ты брал ещё иголку, нитки, спички, ножницы, ножик. Ещё одна твоя привычка очень нравилась нам: из поездки ты никогда не возвращался без подарков.

Когда перед людьми я начинала с гордостью рассказывать об этом, ты говорил:

— Ну, довольно. Видно, из-за соседства стала заражаться привычками Фираи.

И всё же о Фирае ты всегда отзывался с чувством величайшего уважения. Об этом твоём уважительном отношении к Фирае Маликовой свидетельствует посвящённый ей твой юмористический рассказ «Как присваиваются прозвища».

Посетить угодившего в больницу, разделить горе попавшего в беду человека, — многое из того, что мы не в состоянии сделать, внимание и человечность — всё это с избытком оказывалось в Фирае. Она исключительно светлая душевная женщина. Не могу не нарадоваться тому, что в самые тяжёлые для меня дни она была с нами по соседству.

И правда, слово к слову просится. Как-то Фирая позвала нас к себе.

— Файль, — сказала она, по-особому выговаривая букву «Ф». — Побрани-ка немного своего друга...

— Да-а, обои у вас просто замечательные. Красиво, гладко. Наклеены замечательно. От-лич-но...

Глядя на выражение твоего лица и походку невозможно удержаться от смеха. Невольно разговор переходит на хозяйственные темы. В большинстве случаев он завершается весёлым задушевым чаепитием. Этот свой приём ты использовал неоднократно. Если мирно текущая беседа заворачивала в нежелательное русло, ты затягивал песню:

Если сильно лес шумит,

То обвал горам грозит...

Голос у тебя сильный. Но... Нельзя сказать, что ты не музыкален... Играя на тальянке, меха растягиваешь до предела, подбородок на левом плече, щёки и мускулы шеи двигаются. Возможно, ты про себя напеваешь. Если бы смолоду была возможность получить музыкальное образование, то, я думаю, что на каком-либо музыкальном инструменте ты мог бы играть замечательно...

Всё позади... Осталось только с тоской вспоминать обо всём. О твоей любви к музыке, о милосердии к людям, о трудолюбии...

Ты не чурался никакой работы. Однажды в деревне вы с Рифом абый поехали в лес за дровами. Вернувшись, распилили и сложили в поленницу. Про абыкай ты отозвался с одобрением, дескать со знанием дела, толково работает. Абыкай похвалил тебя:

«Смотри-ка, — говорит, — ты старательный парень». И правда, ты был мускулистым. Вообще ты был красивый мужчина. Не терпел людей, отрачивающих животы. Питался по режиму, перед сном лишнего не ел. Говорил — должен оставить в желудке место ещё на полтарелки еды.

Смешно: однажды поехали в гости в деревню Мусабаво Тукаевского района к Расиму-абый и Таслима апа Абдуллиным. Всю жизнь ты был шутником, любил розыгрыши. Едва войдя, ты громко шмыгнул носом и сказал: «С любовницей приехал, жене моей ни звука». Зная твои штучки, я тут же забыла об этом. А Расим абый и Таслима апа впали в уныние. Мало того, ты за столом меня усиленно угощал, дескать, ты любишь мясное, ешь как следует. Под конец Таслима апа подходит ко мне и говорит: «Приехала, сестрёнка, приму как гостью, только не разрушай чужую семью, счастья не будет». Я говорю: «Таслима апа, это мой муж, Файль только пошутил». О Расиме-абый и Таслиме апа я говорю тебе: «Бывают же на свете такие хорошие люди, ну кто мы им, а они готовы душу отдать».

— А чьи же они друзья? — с гордостью сказал ты.

Нас очень тронуло то, что Расим-абый оказался удивительно музыкальным человеком. Казалось, мелодия из его груди лилась через край. Приехав в Казань, вы очень старательно искали для него гармонь Вараксина¹.

Для друзей ты всегда старался, в нужный момент умел поддержать. Среди них самым близким для тебя был Ризван Хамид. Ты любил его паче чаяния! Поверил в него, возлагал на него большие надежды. Когда первая пьеса Ризвана была поставлена в Татарском академическом театре имени Галиаскара Камала, радость переполняла тебя так, что я не упомяну, так же ли ты радовался, когда было напечатано твоё первое произведение, твоя первая повесть. Ходил на все премьеры спектакля и написал большую статью под названием «Хабировы». В рецензии, напечатанной в газете «Социалистик Татарстан» дал пьесе очень объективную оценку. В таких вопросах ты был весьма принципиален. На литературном поприще не признавал ни кумовства, ни вражды, ни дружбы. В своём литературном служении был истинным гражданином, коммунистом.

Как-то во время разговора Ризван рассказал о тебе: «Принёс в больницу охапку бумаги. В руку сунул ручку. На, пиши, говорит, ты должен писать. Файль мой учитель, мастер. Я с ним даже когда умирать буду, не расстанусь. Я вечный его должник».

Другой твой закадычный друг — Зульфат. Признавая его, ты продолжал его бранить: «Самое время писать поэму за поэмой, шедевр за шедевром. Самое время творить, а ты упускаешь время...» Многие стихи Зульфата ты знал наизусть.

Ваши встречи иногда приводили к рождению неожиданных свежих мыслей. Серьёзные разговоры о написанных вещах, предложение сюжетов, и тут же внесение поправок... Если что-нибудь было необходимо поправить, Зульфату удавалось в секунду высказать какую-то интересную мысль или предложить новый поворот. Однако, когда проблему надо было продумать, среди них самые точные, самые трезвые мысли были твои. Было ли дело в игре слов или начинало пропадать чувство меры, ты одним лишь словом возвращал своих товарищей к действительности. Друзья без возражения подчинялись. Ибо они признавали за тобой ум и человечность. Сейчас мы, очень тоскуя по тебе, осознавая невосполнимость потери, храним в сердцах такие дорогие для нас воспоминания.

Ещё одно из самых дорогих для меня воспоминаний — написанное мне твоё письмо в период нашего знакомства. Размером в лист ватмана, исписанный с обеих сторон. Во время моего пребывания в деревне ты отправил его мне бандеролью. В углу очень

¹ Гармонь Вараксина — вятская гармонь

красивый рисунок). Вообще каждое письмо ты украшал рисунками. (В блокнотах тоже сплошь рисунки). В письме ты называешь меня «кареглазая девчонка». «Что ты делаешь сейчас, о ком думаешь?» Наверное, думала о тебе. Раз мы познакомились и подружились с тобой, о ком же ещё думать?

Погоди-ка, разве больше не о чем поговорить нам с тобой? Вчера я ходила в школу, где учится наша старшая дочь, на родительское собрание. Классная руководительница Полина Тимофеевна сделала очень хороший доклад «Воспитание хорошего человека — родительский долг». Для детей родители должны быть примером, вот о чём она говорила. «Какого отца можно считать хорошим человеком?» — задала она вопрос, и сама же ответила. «Если отец для семьи дом построил, дерево посадил, вырастил и воспитал детей. Так гласит восточная притча», — закончила она. Сказанное Полиной Тимофеевной я примеряла к тебе. Ты дом построил? Построил. Дерево посадил? Посадил. Детей вырастил? Вырастил. Значит ты был достойным гражданином нашего общества.

Умом я вынуждена констатировать — «был». Но сердце никак не хочет примириться с тем, что тебя нет, не хочет в это верить. Окружающий мир всё ещё пропитан твоими запахами, тембром твоего голоса. Во всём, что движется, твои ритмы, твой облик. По радио частенько передают твои песни. «Поляна моей юности», «Ржаные нивы», «Я бы стал гармонью», «Весенняя песня». Есть ещё песня, которую ты не слышал — «Коммунисты». Её исполняет народный артист Татарстана Хайдар Бигичев. С большим пиететом к твоему творчеству он собирался записать на пластинку песню «Поляна моей юности».

У тебя есть не только песни, остались прекрасные шесть повестей, которые читаются с удовольствием: «Альфинур», «Весенний снегопад», «Белолобые волки», «Один мальчишка, три аргамака», «Под счастливой звездой» и «Что значит дом построить?».

Однако последнюю завершить ты не успел. Ты писал её в Пицунде, где мы в Доме творчества отдыхали. «Затянулась, — сказал ты, — только половина написана». Перед отъездом я бросила взгляд на последние листы написанного и спросила: «Чем же заканчивается этот твой Расим?» Ты, смеясь, ограничился только одной фразой: «Не спеши». Однако не удалось дописать по горячим следам. Хотя, вернувшись после жаркого солнца, загоревшим и похорошевшим, ты прожил всего четырнадцать дней. Однако за эти четырнадцать дней ты перелопатил столько дел, которые подчас могут растянуться на годы... Будто прощаясь, мы навестили кучу родственников. С ночёвкой ездили к маме. Побывали в Актаныше, Балтасях. Даже в гостях ты не сидел без дела. О председателе нашего колхоза написал довольно большую статью...

Ну, что за жизнь!.. Когда совсем становится немого, — спасают книги. Наверное, уже не менее ста раз прочитала я твою повесть о Расиме. Он так похож на тебя. Повадки, разговорами. Ничего удивительного. Ведь и «Белолобые волки» и «Один мальчишка, три аргамака», и «Под счастливой звездой», «Что значит дом построить?» — это всё твои непрерывно текущие автобиографические повести. Открываю книги и читаю полущёпотом. Будто разговариваю с Расимом, тихим и скромным. Он говорит совсем как ты, смотрит как ты. Забывшись, представляю себя сидящей напротив тебя. Осознав, что ты не сойдёшь со страницы книги, я ужасаюсь, и сердце надрывается от горя. Вспоминая тебя, тысячу один раз на дню, ищу ответ на буравящий мозг вопрос. Почему, за что? Разве такие люди, как ты, должны умирать?!

«Фотокарточки не держи на виду, вещи прячь подальше, не бери сама себе душу!» Так советуют старые опытные люди. Возможно, они правы. А я, напротив, разыскиваю всё новые и новые твои фото, делаю стенды. Твой рабочий кабинет украшаю

портретами, целыми ночами копаюсь в твоих блокнотах. Они же исписаны твоими золотыми руками, написавшими столько добрых книг!

«Имея терпение, даже из незрелых плодов можно приготовить отличную халву».

«В небе птичий след, на камне змеиный след, на жене мужний след — весьма сомнительное ощущение».

«Язык — будто выхваченный из ножен кинжал, начал хлестать направо- налево».

«Старушек берегут, потому что няньки нужны».

«Домашние мысли для бани не годятся».

«У каждого творческого человека своя точка опоры. Если эту точку найти, дело пойдёт на лад».

«Не излечив душу, тело излечить нельзя. Сократ»

«Пояса-то с серебром,

Не оцените при жизни,

Пожалеете потом»

«— Вот так, милочка, что и делать не знаю.

— Попробуй галстук надеть!»

«— Умер, бедняжка. - Как умер, он же мне три рубля должен...»

«— Если будешь так торопиться, тогда я вовсе не пойду, — говорит черепаха».

«С кем сумел быть чёрненьким, сумей быть и беленьким».

«Чего захочет женщина через минуту, того и сам бог не знает».

«Рассказ о конюхе: второй возврат. Потерянная жизнь, потерянные годы, напрасно прожитая жизнь».

«Однажды испуганная собака три дня лает».

«Как всегда, у Чехова — маленькие детали дают читателю бесконечно много».

«Талант — это знание жизни; талант — это смелость».

Таких коротких, но полных смысла цитат в твоих блокнотах много, Файль.

Раздумываю над одной из последних записей. «Талант — это знание жизни, талант — это смелость». Она, как нельзя более, подходит к тебе самому, Файль. Смелости не занимать, знание жизни несомненное. Следовательно, вне сомнения и то, что у тебя талант истинный.

Тебе приходится с семнадцати лет участвовать на лесоповале в Коми АССР, в казахских степях поднимать целину, на Дальнем Востоке — на стройках, на морях и океанах, и, наконец, проливать пот на заводе. Романтику ли ты искал, во всём этом или пользу для творческого вдохновения? Конечно, нет. Ты и в родных краях мог легко найти и красоту, и романтику. Ранней весной растянуться на молодой траве и наблюдать за странствием облаков. Уподобляя их то птицам, то разному зверью, вопрошаешь их: «Куда вы летите, чего вы хотите, какие же тайны в себе вы храните?»

Ты был скор не только на фантазии, и в реалиях ты был проворным, быстрым.

В журнале «Казан утлары» ты успевал просматривать и ежедневную прессу, знакомиться с издаваемой литературой, при этом прочитывать кучу произведений. То и дело обращаешься к старым мастерам нашей литературы, творившим в прошлые века. Ты считаешь, что, не будучи знакомым с прошлым, невозможно вести разговор ни о сегодняшнем, ни о завтрашнем дне нашей литературы.

Начиная с Кул Гали, Мухаммедьяра, Акмуллы, ты идёшь к сегодняшнему дню. На память читаешь Дардменда, Хисама Камалова. Безумно любишь Лермонтова. Бесконечно берёшь в руки книги Ибрагима Гази, Мирхана Еники, Нурихана Фаттахова, Чингиза Айтматова, Василя Быкова. Когда по радио передают постановку «Ак эби», слушаешь, забыв обо всём. Короче, книги ты очень любил. Любить книги — значит любить людей, любить саму жизнь. А такая любовь означает наше существование,

это наша борьба за благодеяние, наша борьба за мир! Ты работал всю жизнь, ты всю жизнь боролся. В первую очередь своим пером, своим проникновенным словом.

Я припоминаю твои удивительно естественные, удивительно настоящие, душевные «Балладу о муравье», «Мёд», «Слепой дед, старый кот и змея», «Боевая задача», «Дезертир», «Солдаты возвращаются», «Белый рог», «Фирюза» и многие другие прекрасные рассказы. Я преклоняюсь перед милосердием в повестях, написанных для детей. Эти произведения напоминают текущую неторопливо полноводную реку. Река течёт. Но вдоль берегов её встречаются умопомрачительные красоты. Цветочные поляны, таинственные леса, скалистые горы. А на водной глади играют солнечные блики.

Иногда в эту прекрасную реку кто-то швыряет камни, мусор. Кто-то охаивает, обвиняя в мелководье. Но несмотря ни на что, река до конца сохраняет своё величие и красоту. И продолжает свой путь вперёд, к грядущим дням. Глядя на тамошний свет и просторы, мы духовно очищаемся. Там отражаются наши общие идеалы...

Как-то мы с детьми пришли на реку Бажана, что протекает в моей родной деревне. Маленькая Резеда пустила по воде сделанную для неё сестрой лодочку. Лодка медленно стала отплывать от нас.

— Мамочка, куда поплыла лодочка? Как она плывёт? Куда течёт река? — удивилась малышка.

Я постаралась объяснить ей, что реки текут не прерываясь, в конце соединяются с большой водой. Как творчество твоего папы, которое влилось в мировую литературу. Есть духовное море, которое называется народное творчество. А творчество твоего папы как сверкающий драгоценный камень заняло там своё место. Так объяснила я дочери. Она наблюдательная, душевно чуткая. «Мама, мама?! — говорит ребёнок немного погодя, указав на закатившийся наполовину солнечный диск. Глядя на неё чрезвычайно удивлённое лицо, я поняла, что она впервые обратила внимание на это явление.

— Сегодня оно уходит, а завтра утром вновь родится, — говорю я.

Резеда уцепилась за сказанное мной слово «родится». Если даже солнце может вновь родиться, почему бы её папе повторно не родиться? Сделав для себя такое большое открытие, она торопясь заговорила:

— Мама, наш папа тоже снова родится? Малышом? Во-о-т таким маленьким ребёночком? (Она хотела пояснить, что в этом случае она согласна даже на такого маленького папу). Резеда не стала дожидаться моего ответа.

В её мечтах папа уже обратно вернулся в бренный мир. «Мамочка, знаешь, я тогда мамой стану. Такой же, как ты большой мамой. Папу за руку отведу в садик. Сама на работу пойду».

Такой ход её мысли, возможно, был сродни открытию Америки Колумбом. В этот момент мне захотелось измерить биение сердца этой крохи, силу сияния её горящих глаз. Если бы была такая возможность измерения, радость этого ребёнка оказалась бы на высшей точке.

— А меня? — спросила я. — Меня куда денешь?

Резеда задумалась. Если человек не умер, этот человек может ли, дескать стать снова маленьким. После:

— Ты будешь бабушкой. Заберёшь папу из садика, когда у нас на работе собрание будет, — добавила она.

Дитя, дитя... Своей чистой безгрешной душой воспринимает и жизнь как сказку. Смешав реальность с вымыслом, чего только не придумает. Что ни говори, у них свой собственный мир, свои мысли, свои фантазии. Вот сейчас вроде бы огорчается, и тут же, забывшись, принимается играть. Однако со старшей сестрой они живут очень

дружно, мирно. Понаблюдала за ними и вдруг вспомнила одну давнюю историю. Помнишь, ходили за грибами недалеко от Зеленодольска в Раифский лес. Красивое, колосыщееся ржаное поле. Проложенная среди нивы широкая полоса. Идя рядом со мной, ты обнял меня за талию. Забывшись, мы, видимо, шли так довольно долго. Оглянувшись назад вдруг видим, наша одиноко бредущая Раушания молча льёт слёзы. Спрашиваем: «Что случилось, почему ты плачешь?» Раушания в ответ: «Вы вдвоём, вы разговариваете, а я одна». Душенька моя, оказывается от одиночества стало ей так грустно. Сейчас вот я сама переживаю этот злой недуг под названием одиночество.

Мы взяли дочь в серединку и пошли втроём. Почему так печальна эта Раифская дорога? Почему вошла, казалось бы, небольшая Раифа в большую историю? По причине, я думаю, тяжёлых событий, связанных с 1918 годом. В своё время, потерпев поражения близ Казани, по ней отступил Емельян Пугачёв. И по этой же дороге в годы гражданской войны, когда в Казани шли бои, в поисках укрытия пришли в Раифский монастырь белогвардейцы. По их следам появились три чекиста и четыре красногвардейца. Попав в руки врага, они были зверски замучены на площади перед Раифским монастырём. Среди этих героев был и один татарский юноша, имя которого осталось неизвестным...

Разговор с тобой, очевидно, не будет иметь конца. Я излагаю его выборочно, чтобы не очень затягивать. Я восстанавливаю в памяти только самые печальные после тебя, самые запомнившиеся дни.

Вот и весна пришла. Первая весна после тебя. Даже если отомрут большинство клеток моего счастья, в природе жизнь оказывается, не замрёт. На деревьях набухли почки, травка проклюнулась. Но мне они кажутся безжизненными, холодными. Как будто глядят на мир неохотно. Мне в ту весну казалось, что вообще весь мир переживает застой.

Только после того, как развезло дороги, когда все садоводы уже завершили весенние хлопоты, и я, взяв с собой обеих дочерей, наконец, отправилась в наш сад. Это был новый участок, там многое было недоделано. Но и это меня мало трогало. Пусть всё стоит, как есть. Терзало душу то, что дети остались без отца...

Сойдя с поезда, входим в лес. Красивый сосновый лес. Не пустились бы мои девочки, подобно необузданным норовистым жеребяткам, играть и скакать! Видно, их подавленные горем души природа пробудила к жизни. Вдоволь набегавшись и наигравшись, Раушания точно, как ты, посадила Резеду на закорки и быстро-быстро зашагала вперёд. В тяжёлые минуты я как-то держусь, милый. Я согласна нести в одиночку жизненные тяготы. Но мне хочется показать тебе красоту наших детей, радоваться вместе, восторгаться, смеяться вместе...

Мы опоздали, Фаиль. О, нет, мы не успели. Для этой сладости нам был положен предел.

Остановив время, хочется докричаться до всех супружеских пар: «Когда вы вместе, умеете дорожить этим! Когда есть повод восхищаться — восхищайтесь, смеяться — смейтесь! А самое важное: рождённых вами детей пестуйте вместе!» Не зря же знающие жизнь старики говорят: «Да будет суждено совместно растить детей!». Наверное, это великое счастье прожить вместе до самой старости со своим избранником, близким и равным тебе. Наше счастье оборвалось на полпути, когда житейский корабль на раздутых парусах мечты шёл вперёд. Кому помешал, кого задел наш корабль мечты? Какая бездна потребовала жертвы? Кто покусился на твою бесценную жизнь? Кому показалось тесным это бездонное небо, эта просторная вселенная? Кто осиротил моих дорогих детей? Кто?..

Из пройденных вместе пятнадцати лет каждый день перед глазами.

Как-то раз ранним утром мы проснулись вдруг одновременно.

Ты начал рассказывать приснившийся тебе сон.

«Море. Куда-то плывём на корабле. Вдруг над нашими головами простёрлась чёрная-пречёрная туча. Поглядев пристальнее, увидел, что эта туча на деле оказалась альбатросом. Это птица. Такая огромная. Сама не шелохнётся, так и висит над головой. Потом, будто кто-то выстрелил, бах, и под ноги мне она так и шлёпнулась!..»

— Ну, так если была чёрной и свалилась под ноги, означает, что твои огорчения под стопами и останутся, — попыталась я по-своему истолковать сон.

— Нет, гибель альбатроса не к добру, — сказал ты. — Вот только время... Кажется, я увидел сон, как только лёг, значит, не скоро ещё придёт огорчение, — добавил ты.

Я думаю, может тебя посетило тогда предчувствие. Как ты мог заранее предугадать? Скажем, бывало, мы забудем, куда что положим, ты никогда не искал. Встав посреди пола, средний палец приставив к кончику носа, ты неожиданно поворачиваешься и указываешь пальцем в какую-либо сторону, и не потратив на поиски ни одной минуты, тут же находишь вещь. В тебе было достаточно странностей, которые никому бы и в голову не могли прийти. Иногда ты говорил: «Прямо сюжетные сны снятся, хоть садись и пиши рассказ». После неприятных снов я всегда стараюсь успокоить тебя. И на этот раз:

— Как истолкуешь, к тому и придёшь. Сны всегда надо толковать в хорошую сторону», — говорю я. Чтобы повернуть речь в другое русло, спрашиваю:

— Ты когда-нибудь видел альбатроса?

— Нет, — сказал ты. — А вот брату приходилось видеть насколько раз. Они бывают сильно большими. Крылья, оказывается, каждое до двух метров. Неподвижно могут часами висеть на одном месте...

Проходят дни. Месяцы, годы проходят. Жизнь проходит. Однако каждый час, каждая минута этих дней проходит, посвящаясь тебе. Как суметь сохранить тебя в памяти детей? Как не дать твоим товарищам забыть тебя? Я, думая об этом, при каждом удобном случае время от времени приглашаю их домой. Вот тут, прервав свою мысль, хочу вспомнить вопросы Резеды. Она спрашивает: «Мама, почему у меня только один день рождения, а у папы много дней рождения?» Когда я говорю, что придут папины друзья, ребёнок, бедняжка, думает, что они приходят на твой день рождения. И правда, на твоём дне рождения, сороковине, на поминках через год мы сидели подолгу, вспоминая тебя, организовали возложение цветов на твою могилу, посадили берёзу на память.

Станут горы тосковать по нас:

Вольно, гордо жили мы, как горы,

Над головами нашими берёзы зашумят,

Травы вновь весной зазеленеют...

Белоствольность берёзы, кружевная красота, её крона, мягкий шум шелестящих на ветру листьев — этот образ присутствует во многих твоих произведениях. Поэтому, я думаю, именно берёза символизирует светозарность твоего творчества.

Вновь возвращаюсь к твоим стихам, хочу обратить внимание на строку «Вольно, гордо жили мы, как горы». Ты вольно жил! Ты жил гордо! Твоим товарищам, коллективу ты таким и запомнился. Вот некоторые наградные документы в какой-то мере характеризующие тебя и оценивающие твой труд. Их около двух десятков. Среди них и за подписью председателя правления Союза писателей Сергея Михалкова, и ЦК ВЛКСМ, и Президиума Верховного Совета Татарстана, и Обкома комсомола, и посвящённые 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 50-летию пионерии, и вручённые тебе как активному корреспонденту газет и журналов, на заводе как победителю

социалистического соревнования, и за успехи в учёбе в школе... Что касается учёбы, смотрю на твои аттестаты и не устаю восхищаться. Постоянно «пять» и «пять». Изредка «четвёрка». Я ставлю тебя детям в пример. Вот как учился ваш папа! Вы должны ещё лучше учиться». — «А почему мы лучше?» — спрашивает Раушания. Я понимаю, что она хочет сказать: папа в любом случае должен оставаться примером. А я говорю: «Ведь ваш папа учился в очень тяжёлые годы, послевоенные, в голод и холод, когда недоедали, не во что было одеться. И всё же он очень старался! Окончил семилетнюю школу. Поехав в деревню Чебакса Высокогорского района, выучился там на механизатора, получил образование на факультете журналистики в Казанском государственном университете им. В. И. Ленина. И везде учился только на хорошие отметки». В этот момент мне хочется моим обездоленным девочкам, которые не отрывают от меня взглядов, сказать, эх, мои любимые, ваш отец, как и вы, рос сиротой. В то время, когда он мог бы в радости под отцовским крылом проводить детские годы, жизненные ветры напрямую ударили по нему. Ему пришлось самому бороться с трудностями, самому пробивать себе дорогу. А жизнь она, это каждому известно: один раз лицо покажет, пять раз задом повернётся. А у сирот глаза часто на мокром месте, так что не всегда успевают взглянуть светлое лицо жизни...

Сегодня весь день шёл дождь. С тучами, туманом. Хоть бы лучик света прорвался сквозь сплошные тучи, затянувшие небо. Вот и в нашей жизни такой период, когда мы нуждаемся хотя бы в едином тёплом слове, ласковом взгляде. Говорю это, и сама, кажется, создаю почву для мыслей о том, будто я не встретила со стороны ни одного приветливого лица. Знаешь, милосердие, проявленное по отношению к нам коллективом, в котором ты работал, как говорят древние, никаким аршином не измерить.

Нашей семье они помогли и морально, и материально. В новый год, наряду со своими детьми, для наших двух девочек приготовили одинаковые подарки, на восьмое марта нас троих тоже не забыли. Да и потом проявляли постоянное внимание, готовые прийти на помощь в любой ситуации... Поэтому надо тысячу раз сказать спасибо в целом коллективу журнала «Чаян», где ты работал, всем без различия... Нет, надо сказать спасибо каждому в отдельности.

Рашиту Каримовичу Закиеву. Он был инициатором всех добрых дел. Магсуму абый Хузину, Вадиму Луценко, Борису Бронштейну, Равилу Хазиеву, Мунире апа Гатаулиной, Ляйле апа Тахтиевой, Саиме апа Зайнетдиновой, Фании Хафизовой.

Вот так дружок. Однако ущербная душа оказывается странной. Того и гляди, готова выплеснуться, в момент разлететься на осколки. Вроде, избалованной-то женой не была я, а сейчас от одного ласкового слова раскисаю. Против грубости, обид давно уже выработался иммунитет. Но, подобно чувашской кобыле, привыкшей к трудностям, следующим одна за другой, боялась, как бы очередная беда не сбита с ног...

На земле живут сказки. На земле живёт зло. Но на земле живёт и закон Гиппократов. Хотя бы мало-мальски чуткий человек не то, что толкнуть, но и щелчком не обидит раненое существо...

Вновь вспоминаю, как охотно писатели сотрудничали с твоей стенгазетой «Неуёмное перо». Например, твой постоянный автор «Тмин» — Туфан абый Минуллин. Туфан абый был не только твоим автором, но и надёжным наставником, всегда интересующимся твоим творчеством, и, даже не будучи в Казани, он переписывался с тобой. Юмора вам обоим было не занимать, поэтому ваши письма были полны шуток и смешных стихов. Если так подумать, ведь что интересно, Туфан Минуллин, всерьёз поднимающий в своих произведениях проблемы мирового значения, вёл переписку с вами, молодыми писателями — в то время и не очень и известными. По-моему, даже эта совсем небольшая деталь подчёркивает величину личности этого человека.

В твоём архиве очень много писем выдающихся людей, светлых личностей. Ибо ты, будучи талантливым, подающим надежды, ещё смолodu привлёк их внимание.

«... Монолог Гайнана ага» нас заинтересовал, я его предложил в 19-й номер журнала... Если случится быть в Казани, зайдите...» Это письмо Аяза ага Гилязова, написанное 25 августа 1964 года в период его работы в журнале «Чаян». Он и впоследствии всегда радовался каждому твоему успеху. Твою смерть он переживал очень тяжело. Вот сижу сейчас, вспоминаю. Казалось бы, вы оба писатели, но между собой никогда не разговаривали книжным языком. Но разговор ваш всегда был деловым, умным.

Будучи на Лебяжьем озере, мы прочли книгу Аяза абый «Тысячу километров в пути». Читали вслух. Когда мои глаза утомлялись, читал ты, когда ты уставал, читала я. Хороший прозаик, говорил ты о нём. Пока сегодня сидела в раздумьях, вдруг вспомнила наш с тобой разговор примерно семнадцатилетней давности. Мы ещё только-только начали дружить. Попали мы навстречу друг другу в коридоре Союза писателей. Мимо нас прошёл Аяз абый. «Знаешь, кто это?» — спросил ты. «Нет», — сказала я. «Аяз Гилязов», — говоришь. Я пожала плечами — дескать, всё равно не знаю. «Три аршина земли!» — сказал ты. «Что же с самого начала так не говоришь? Кто не читал и, кто же не знает „Три аршина земли“, — сказала я.

Услышав весть о твоей кончине, он моментально появился у нас. Он был в такой ярости, казалось, готов был сразиться со смертью, чтобы отвоевать тебя у неё... Постороннему взгляду было заметно по его походке, выражению лица, будто он говорил «Разве я отдам Фаиля смерти, разве отдам»...

Несмотря на то, что вокруг тебя были такие верные друзья, проклятая смерть вырвала тебя из их среды. Нет, те, кто в твои роковые минуты оказались возле тебя, были недруги!..

Мы вели речь о письмах.

Письма, письма!..

Вот это — которое обращается к тебе — «Фаиль мелла¹» — Гамиль Афзал.

«Друг Фаиль!

... Один экземпляр внутренней рецензии отправляю тебе... Это пока для размышлений. Известно, было бы хорошо, как-то, посидев вместе, полистать, просмотреть стихи. Возможно, такой случай ещё представится.

Ладно, пока будь здоров.

Решил, всё-таки пусть парень лишнего не беспокоится.

С пожеланием успехов, Шаукат Галяев».

Брат Фаиль, товарищ Фаиль, Фаиль абый, сынок Фаиль...

Во всех письмах, обращаясь к тебе, либо совета просят, либо делятся сокровенным. Кто-то из деревни, кто-то из города — от учителя и хлебопашца.

Письмо библиотекарки Кашириной, живущей в городе Нижнекамске. Написала она после того, как в журнале «Азат хатын» вышла твоя статья «Она ведь Майорова». «Вы меня окрылили. В самое тяжёлое для меня время вышла ваша статья», — пишет она и выражает свою благодарность. А когда в журнале «Казан утлары» увидела свет твоя повесть «Что значит дом построить?» тебе написали из птицеводческой фабрики Колшарип девушки Варвара Брагина, Амина Нуриева, Гасима Исмагилова и другие о том, что повесть производит на читателей сильное впечатление. Прочитав в газете «Юный ленинец» повесть «Один мальчишка, три аргамака» сотни детей выразили своё восхищение и благодарность.

¹ Мелла — устаревшее «мулла»

Даже после твоей кончины поток писем не прекратился. Написаны они с сожалением, сердечной болью, с нежеланием верить в возможность такой потери. Из Челябинска, Камиль Мустафин, из Казани Фанис Мустафин, из Риги Заки Зайнуллин, из Уфы Якуб Калмый, из Ленинграда Риза Халит, Каракалпакии — Ибрагим Юсупов, Махачкалы — Нуретдин Юсупов, из Елабуги — Равиля Абдуллина, из Лаишева Роза Кушмина, Камского Устья — Фарида Хайруллина, Карашяма — Нафиля Садыкова... Короче, со всех уголков Советского Союза и нашей Республики от друзей, знакомых, родных письма сыпались дождём.

Поэт Камиль Мустафин после смерти своей матери тогда написал тебе: *«...Нет желания что-либо делать. Но жизнь продолжается... Бытие одного человека ограничено с двух сторон. А вот жизнь вечна. В этом корень всей философии. Надо эстафету нести вперёд, и передавать будущим поколениям!..»*

Уже после твоей смерти Камиль очень помог нам своими умными письмами. У самого тысяча дел — он продолжал писать нам своим жемчужно-красивым почерком и давать советы.

«Фаиль — большой талант. Я был очень рад знакомству с ним. Часто с волнением перечитываю его книги. Фаиль оставил огромное наследие, которое ещё многие годы будет жить после него. Это наследие — гордость ваших дочерей. Не только дочери, но и внуки ваших внуков этим наследием будут гордиться!» — так написал живущий в столице Латвии полковник Заки Зайнуллин.

Ты ушёл, огорчив многих. Твои друзья, разделяя это горе с нами, твоим потомством, поддерживали нас своими письмами. Они были так необходимы нам. Спасибо тысячу раз этим добрым людям!

Оказывается, милосердных людей на земном шаре и в самом деле гораздо больше. Не только неделями, месяцами, но и годами не бросали нас некоторые твои товарищи. Не зря говорится, что друзья познаются в беде.

С чувством признательности хочется сказать ещё об одном человеке — Камиле Каримове. Считая тебя своим учителем, он столько сделал доброго для нашей семьи, что и не перечислить. Разве это не говорит о том, что ты оставил после себя достойную смену?!

Однако есть в свете одна истина. Как бы ни были добры, внимательны, великодушны, человеколюбивы, как бы близки ни были друзья, между мужем и женой есть только им обоим доступные секреты, Фаиль. И у меня есть радости и горести, которыми я могу поделиться только с тобой. Поэтому мне так не хватает тебя. Хотя и проводила тебя своими руками, своими глазами, поверить в твоё отсутствие я не в состоянии. Всеми фибрами души, всем нутром своим извелась. По крохам, скрупулёзно собираю твои сочинения. Стараюсь ни одной буковки не потерять. В этом нахожу утешение. Сама себе твержу: «Надо терпеть, стиснув зубы, надо терпеть». Ради тебя. Ради продолжения твоего творчества, моих детей, ради их будущего!..

Радуюсь тому, что двух девочек родила от тебя (в живых двое). Горжусь тем, что они отцовские дети! Присущее им сходство с тобой, облик, повадки никогда не дадут мне забыть тебя!

Не только во мне, но и в памяти всего татарского народа ты достоин жить, Фаиль! Ты оставил труды, способные жить, победив смерть. Помимо литературных произведений, остались твои многочисленные очерки, статьи, не менее художественные, чем твои рассказы, посвящённые оценке трудов многих творческих личностей, ярких творческих портретов, острая публицистика. Остались удивительно человеческие, деловые письма, адресованные твоим читателям, ценные советы, оставившие след в памяти твоих друзей. Всем этим ты жив в памяти людской. Светлой памятью жив!

«Жить, тысячу, миллион лет хочется жить. Но не бывшей доселе жалкой памятью тела, а какой-то другой жизнью, красивой, благой, возвышенной жизнью хочется жить», — писал Галимзян Ибрагимов.

Ты точно так и жил!

Твой жизненный век на земле был коротким мгновением. Однако, как свет далёких звёзд, который и после того, как они погаснут, ещё миллионы лет будет доходить до нас, так и твоё творчество в течение веков будет воспитывать человеческие души. Веками будет озарять и излечивать их. Ибо ты, как сказано выше, жил не «жалкой памятью тела», а совсем иной жизнью!

Отпущенная тебе горстка жизни была одним мгновением. Но удивительно светлым, ярким мгновением. Это было мгновение, тысячами разных отблесков напоминающее Северное сияние, в хаосе землетрясения, напоминающем полёт альбатроса, позволившее нам разглядеть чистую синеву небесных сфер...

А теперь... Нет, и теперь ты с нами... Твой дух живёт среди нас. Твои слова, мысли, мечты, твоё будущее. Пройдя сквозь наслоения годов, одолев бури и метели, стремящиеся ослабить твой зов, звучит твой голос: *«Эй, люди, умеете ценить окружающую вас красоту, живите мирно, будьте правдивыми! Не проводите свой земной век в бессмысленной жизни тела, — твердит этот голос. — Это одно мгновение вашей жизни на земле посвятите благим делам, высоким целям!»*

1982–1983.

**Перевод с татарского
Рамзии Такташ.**

